

Русское
языческое
мироозрение:

пространство смыслов

Опыт словаря с пояснениями

Авторы вступительных статей
Д. Гаврилов, С. Ермаков, Т. Фаминская

Словарные статьи и составление
С. Ермаков и Д. Гаврилов

Москва
2008

УДК 291:82(091):008
ББК 86.2:82.3(0)

Вступительные тексты: Д. Гаврилов, С. Ермаков, Т. Фаминская
Словарные статьи и составление: С. Ермаков и Д. Гаврилов
Рецензенты: к. филос. н. И. Кребель, к. филос. н. Ю. Першин
(Омский государственный университет),
к. и. н. А. Клемешов
(Московский государственный областной университет)

P88 Русское языческое мировоззрение: пространство
смыслов. Опыт словаря с пояснениями / под общ. ред.
С. Ермакова.

Бумажный вариант
М.: Издательство «Ладога-100», 2008. – 208 с.

ISBN 978-5-94494-056-8

Книга представляет собою первую и единственную в своём
роде попытку обобщить на научной основе древнее и современ-
ное толкование мировоззренческих понятий русского язычества
с учётом их взаимосвязей и соотношения друг с другом. Обра-
щаясь к большому числу источников, авторы раскрывают смыс-
ловое наполнение слов, описывающих человека в его взаимоот-
ношениях с миром и людьми.

Это позволяет проследить изменения и даже искажения смысла
ряда древних понятий во времени, а особенно в наши дни.

ISBN 978-5-94494-056-8

**Издание подготовлено при участии
Научно-исследовательского общества
«Северный ветер»**

© Указанные авторы, текст, 2008
© С. Ласточкин, оформление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	6
Рецензии	
<i>И. Кребель.</i> Рецензия	9
<i>Ю. Першин.</i> Рецензия на книгу «Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов».....	12
<i>А. Клемешов.</i> Рецензия на словарь «Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов».....	15
Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов	18
Живой мир язычника	25
Словарь основных понятий	
Устройство словарной части.....	34
Алатырь (латырь)-камень.....	35
Боги.....	37
Братчина.....	44
Власть	46
Вода	50
Воздух	53
Воля	56
Время.....	59

Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов

Годовое коло.....	63
Грех.....	65
Добро.....	67
Долг.....	68
Доля.....	69
Дорога (путь).....	71
Душа.....	73
Жертва.....	75
Заговóр.....	80
Земля, Мать Сыра Земля.....	82
Имя.....	85
Камень.....	88
Капище, капь.....	90
Крада.....	92
Кровь.....	94
Курган.....	96
Лад.....	99
Лес.....	101
Межа.....	103
Мировая гора.....	105
Мировое древо.....	108
Навь.....	113
Небо.....	116
Оберег.....	118
Обряд.....	121
Община.....	123
Огонь.....	125
Переходы.....	127
Правда.....	130
Праздник.....	132

Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов

Предки.....	134
Пространство.....	137
Речь.....	141
Род.....	144
Ротá.....	146
Ряд.....	148
Свет Тот.....	149
Свет Этот.....	152
Своё – чужое.....	155
Слава.....	156
Сотворение мира.....	158
Среча.....	159
Старина.....	161
Суд.....	164
Судьба.....	166
Трапеза.....	169
Триединство, Триглав.....	172
Тризна.....	174
Тьма.....	176
Удача.....	178
Хлеб.....	180
Человек.....	183
Чур.....	185
Явь (Яво).....	187
Язычество.....	190
Литература.....	193
Принятые сокращения.....	200
Об авторах.....	202

От редакции

Наша новая серия не совсем обычна.

К нам постоянно обращаются за советами: как сделать то или другое, каковы особенности языческого мировоззрения, чем русское язычество отличается от естественных (природных) верований соседних или отдалённых народов, в чём их родство? Из попыток ответить на все эти вопросы, из понимания, *насколько* нужен людям более или менее целостный и честный образ древнего и современного язычества, и родился замысел серии.

Пришло осознание необходимости предложить заинтересованным читателям скорее прикладные, нежели умозрительно-разыскательные и развлекательные издания. В известной степени проект серии таких изданий является прямым развитием «Манифеста Языческой Традиции», выпущенного нами весной 2007 года и принятого за теоретическую основу на I съезде Международного общественного движения «Круг Языческой Традиции».

Содержание серии определено и уточнено путём опроса большого числа людей как в Интернете, так и лично. Точно так же, путём опроса, определена и примерная последовательность выпусков (общая численность респондентов – свы-

От редакции

ше двухсот человек, из них около пятидесяти являются представителями языческих общин и групп). Вот как, по мнению опрошенных, следует выстроить предложенные темы по степени важности:

1. *Традиционные посвящения. Обрядность переходного периода в жизни язычника.*
2. *Языческие Боги и Богини. Функции и символика.*
3. *Традиционные культовые места. Подбор, обустройство. Капища и боговы столпы.*
4. *Календарь. Способы расчёта. Ключевые точки.*
5. *Обереги, чирры, знаки, традиционные узоры.*
6. *Домашняя бытовая обрядность.*
7. *Обрядность ключевых моментов в жизни человека: свадьба, беременность, рождение ребёнка, похороны, тризна и т. п.*
8. *Традиционная одежда. Изготовление. Смысл.*
9. *Снаряжение, поход, лагерь.*
10. *Традиционная обрядовая кухня.*
11. *Традиционный лечебник и травник.*
12. *Основы составления и чтения обрядовых слов и заговоров.*

Мы не станем обещать, что последовательность окажется именно такой. Много зависит от степени готовности рукописей и объёма работы над ними. Возможно, какие-то из заявленных тем будут объединены под одной обложкой. А неко-

торые темы, судя по ряду признаков, придётся, напротив, разбивать на части. Но это, что называется, рабочие вопросы.

Как бы то ни было, сегодня вы держите в руках «стартовое» издание в серии – «Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов», краткий толковый словарь ключевых понятий, которые отражают, на наш взгляд, мировосприятие язычников древности и перешли «по наследству» сегодняшним сторонникам Природной веры. Только постигнув глубинные смыслы этих понятий, только проникнувшись ими, современный язычник сможет постигнуть внутренние оттенки мира своего предка. Только при этом условии возможно истинное взаимопонимание между теми, кто уже сделал или делает сегодня свой выбор.

РЕЦЕНЗИЯ

Я назвала бы данную работу «Словарь архаических терминов».

В настоящее время становится очевидным необходимость воскрешения подлинного содержания в структурах того мыслительного арсенала, которым привыкла оперировать философия, и – шире – культура. Следует подчеркнуть, что многие оттенки смысла и содержания, присущие той или иной единице вербального поля философии, утратили своё первозданное значение, свою подлинную тему, напрямую увязанную с их знаковой функциональностью в мире человека, с онтологией собственно человеческого.

Кроме того, в силу ряда обстоятельств, важные структуры, производящие особую содержательную размерность и включающие в неё человека, погружающие его скорее на глубину пластического, телесного, нежели интеллектуально-логического, сырой формально-логической рациональности, приемлемой для описания, для выстраивания проекта реальности, но не для понимания её глубинных оснований, выстраивают идеологическую картину мира, далёкую от подлинного знака мысли и опыта. К таким категориям относятся все реалии, описываемые в словарных статьях настоящей подборки, в современном общественном пространстве утратившие, к сожалению, свои подлинные, бытийственные содержательные основания, смысл, оставив только его идеологический маркер.

Настоящая работа приобретает большую актуальность в современном нам социуме, осмысление ко-

торого (после Ж. Бодрийара, Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта) требует пересмотра основных понятий, ставших стереотипами мышления и утративших живость значения. Предполагавшееся постмодерном время архаики начинает осуществлять себя, обнажая потребность в знании первичных практически-телесных содержаний важных аксиологических норм, правил и установок, по которым живёт (или делает вид, что живёт) современное социальное пространство – как западное, так и уже российское. Требуется рекультивация ритуально-топологических основ тех матриц, которые глубоко укреплены социальным сознанием, пронизаны идеологией христианства, но утратили своё настоящее живое значение, а потому остались условными конструкциями, рождающими смысл, важный социальному, его манипуляциям и дискурсу принуждения. Христианство как социальная государственная идеология, опять же не раскрывает своего подлинного значения, но обслуживает те запросы, которые поставлены перед нею государственной анонимной машиной. В данной ситуации человек, его жизнь и ценностные ориентиры, подавляются, человечество превращается в безликую серую массу, «воспитанную на пепси, но имеющую душу», которая, безусловно, нуждается в спасении. И это – тоже задача государства. В этом случае христианская доктрина, принятая социальным и превращённая в идеологию, продуцирует теологию безответственного отношения к миру, вытеснившего такие важные для социального же реалии, как совесть, мужество, честность, порядок. Налицо лозунг Ф. Ницше в его не самой лучшей содержательной ипостаси, и даже не в авторской: «Бог умер!» А потому сегодня налицо необходимость воскрешения Богов старых, языческих, архаических, производящих в первую очередь рекультивацию жизнестойких основ самого социального.

Именно эту задачу и решает настоящее исследование, роль которого для современной нам действительности просто неоценима.

Однако хотелось бы поставить авторов перед одной из важных проблем: работа имеет описательный характер, т. е. автор рассказывает, не демонстрирует поиск языкового коррелята для выражения столь важных вещей, за которыми стоит практика, опыт, и только отсюда – понимание. Хотелось бы пожелать в дальнейшем большего внимания к языку описания, поскольку такие вещи всё-таки не могут быть описаны *средством* общения, но – *способом* бытия. Язык обязывает отыскивать «самоговорящие» структуры, демонстрирующие иное предметного опыта, иное устоявшемуся формату, иное бытовым содержательным клише важных реалий, замкнутых словом в языке же.

Такие реалии, как «душа», «кровь», «община», «огонь», «грех», должны быть очищены от смысловых наслоений и показать своё первостепенное значение – заговорить, перейти в ранг *поэтического, мифологического*, из которых и произрастает изначально любая дискурсивность, в том числе и социальная.

И. Кребель,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского

Рецензия на книгу

«Русское

ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ:

ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛОВ»

«Язычество – не столько религия, сколько древнейшее природное мировоззрение. Пока существует этот Мир, пока светит живое Солнце и вращается живая Земля, пока струят свои воды живые реки среди живых гор и равнин, деревьев и трав, Язычество будет живо в глубинах души и сознания каждого человека, кем бы он ни был и кем бы себя ни считал»*. Эти строки из Манифеста языческой Традиции совершенно точно говорят о том, кому предназначена книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках. Она – для каждого из нас, тех, кто может читать, думать и – более того – задумываться над вечными вопросами Бытия, Добра, Любви, Морали, Чести, Ответственности, Храбрости, Самоотверженности и другими онтологическими, вечными принципами, на которых должна основываться наша повседневная жизнь, условиями, на которых человеку позволено жить на этой Земле.

К большому сожалению, нынешняя двойная мораль нашего общества снисходительно позволяет нам забывать об этом, предлагая взамен идеи всепрощения, безответственности, которые выхолащивают высшие принципы, делая из них маркеры, ярлыки, знаки, которыми можно манипулировать. Теряя ориентиры в этом мире, человек становится релятивистом, временщиком и сам для себя начинает «формировать» принципы бытия. Вот и становится, к примеру, Хитрость

умнее Разума, Изворотливость выше Чести и Храбрости, Эгоизм надёжнее Самоотверженности. Добро начинает задумываться над вопросом «кому это выгодно?», а Любовь, не знающая Ответственности, выходит на панель.

На мой взгляд, авторы в представленной книге видят свою задачу в том, чтобы поставить точки над «i» и дать, помимо прочего, наиболее точное толкование терминологии, которой оперируют язычники. Это – очередная попытка очистить языческое миропонимание от всего наносного, от невольных и злонамеренных искажений, двойного и тройного толкования, а самое главное, от Страх, который мы в большинстве своём испытываем при упоминании язычества.

...Предлагаемая авторами книга не только интересна, познавательна и способствует расширению кругозора. Она, что парадоксально, отвечая на вопросы, провоцирует возникновение новых вопросов, заставляет думать, копаться в исторической, культурологической, философской и религиоведческой литературе и источниках, спорить, обсуждать, высказывать свою точку зрения. Но разве не для этого пишутся настоящие Книги? Ведь только они, а не бульварное детективно-любовное чтиво, учат жить настоящей жизнью, учат думать и действовать, учат людей быть Людьми, а не рабами (в том числе и божьими) и не стадом, видеть красоту этого Мира и не гадить в нём.

Конечно, главный суд для авторов – суд читательский. И, думается, эта книга найдёт свою аудиторию, своего благодарного читателя, которому она поможет услышать в себе тихий, но вечный зов Предков, давших нам возможность жить на этой земле.

Остаётся лишь высказать надежду на то, что авторы продолжат работу в выбранном направлении и учтут возможные замечания и пожелания, высказанные читателями.

В заключение, как специалист, изучающий Традиционную языческую религиозность, философию, мировоззрение и культуру, могу добавить, что предлагаемое авторами книги толкование терминов не является окончательным, догматичным, а только предлагает некоторое направление понимания. Далее дело за Вашей свободной мыслью, чувствами, практикой. Не волнуйтесь, как ведающие, убеждённые, честные и ответственные язычники, вы не выдумаете никакого «новодела», кто бы и как бы вас в этом ни уверял. Люди смотрели на мир, мыслили и чувствовали его, постигали его закономерности и тысячелетия назад. А в мире, как известно, нет ничего нового. Всё «нео-» – это зачастую хорошо забытое архаичное мироощущение, забытая изначальная способность человека жить с миром в гармонии. Именно этого нам сейчас и не хватает. Это нельзя «выдумать». Этим можно только жить.

Удачи!

Юрий Першин,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского

** Гаврилов Д. А. и др. Манифест языческой традиции. – М.: Ладога-100, 2007.*

Рецензия на словарь

«Русское

языческое мировоззрение:

пространство смыслов»

Появление новых словарей и энциклопедий (разумеется, речь идёт о хороших словарях и энциклопедиях, убогие пародии не в счёт) – очень интересное культурное явление. Новые справочные издания появляются, когда у кого-то возникает сильная (ведь их создание – непростое и весьма трудоёмкое предприятие!) потребность в осмыслении и обобщении сделанных к определённому моменту достижений в понимании человека, культуры, языка, окружающего мира.

Особенно хорошо это видно применительно к энциклопедиям. Средневековые энциклопедии Западной Европы свидетельствовали о зрелости богословской католической мысли. Рождение Большой советской энциклопедии стало заявлением о серьёзных и долгосрочных планах советского руководства, в том числе в области науки и культуры. Руководство нынешней России пытается организовать издание новой энциклопедии, Большой российской, претендуя на столь же серьёзные намерения.

Словари – явление менее масштабное, но в чём-то и более наглядное. Сложно представить более яркое свидетельство профанации науки, популяризации знаний, просвещения, культуры, чем заповнившие прилавки «энциклопедии всего» – назойливые, крикливые, пустые и поверхностные. По счастью, им есть альтернатива.

Наряду с переизданиями ставших легендарными справочных изданий (общезвестный пример – сло-

вари Брокгауза и Эфрона и словарь Даля), а также языковых и специальных советских и дореволюционных словарей, свет увидели и новые. Разумеется, мы не будем давать здесь ни краткого их обзора, ни даже очень поверхностной характеристики. Я просто гляжу на свой письменный стол, на котором лежат массивная энциклопедия «Отечественная война 1812 года» (М.: РОССПЭН, 2004) и тома «Новой философской энциклопедии», и убеждаюсь, что такие издания, пусть и не лишённые отдельных недостатков, всё же существуют.

Словарь «Русское языческое мировоззрение» – явление иного, особого рода. Из текста вступительного раздела и статей становится очевидным, что его создание – попытка не зафиксировать нечто уже существующее и для подавляющего большинства бесспорное, но выстроить и запечатлеть – ни много ни мало – особое миропонимание, систему отношений к миру и человеку.

Несомненно, этот словарь знаменует собой определённый этап в осмыслении языческой (прежде всего – русской) культуры. Насколько предложенные авторами толкования тех или иных понятий совпадают с тем, что на самом деле понимали под этими понятиями наши предки – сложно, а подчас и невозможно сказать. Специфика сохранившихся источников такова, что едва ли можно с уверенностью вычленивать суть именно древнеславянского, древнерусского языческого понимания судьбы, восприятия божеств, представлений об ином мире – без христианского влияния, без сознательных или невольных искажений.

Отрадно, что авторы стремятся опираться в своих изысканиях на исторические источники и серьёзную научную литературу, не принимая на веру те мифы, которые во множестве гуляют в общественном сознании и в неязыческой среде. Хотелось бы пожелать

более осторожно относиться к использованию параллелей в разных индоевропейских языческих культурах (схожесть некоторых сюжетов в индийской, древнегреческой и, скажем, кельтской мифологической традициях вовсе не означает, что у славян было то же самое и именно так). Но в целом словарь интересен вовсе не научно-исследовательскими достижениями авторов, а достаточно успешным построением – не исторической реконструкцией, а именно построением на солидной основе языческой мировоззренческой системы.

Разнообразные языческие и неязыческие движения достаточно широко распространены в нынешней России. Если целостное языческое мироотношение и мировоззрение действительно лучше отвечает потребностям человека в современном мире, чем мировоззрение православного христианина или атеиста, предъявляемые результаты не заставят себя ждать. Заявка на реальное существование такого мировоззрения уже сделана.

**Алексей Клемешов,
кандидат исторических наук,
кафедра истории древнего мира и средних веков
факультета истории, политологии и права
Московского государственного
областного университета**

Русское
языческое
мировоззрение:
пространство смыслов

Современное движение за возрождение природной веры развивается повсеместно в странах, где некогда она была, образно говоря, выброшена на помойку истории. Какими бы причинами смена господствующего мировоззрения ни была обусловлена, исконные представления, конечно, не исчезали, не умирали (да, по нашему мнению, и не могли умереть, ибо были естественны и определялись условиями жизни и самой природой человека).

С одной стороны, тяга к природной вере вызвана всё более сильным ощущением близящегося краха; пониманием: что-то идёт не так; предчувствием: «Мир, как мы его знали, подходит к концу»; сопротивлением обезличиванию индивидуальности, усилиям по приведению всех и каждого – человека, рода, племени, нации, человечества – к некоему общему интеллектуально-духовно-культурному знаменателю... Эти факторы, это сопротивление, чаще всего неосознаваемое, порождают всевозрастающий душевный и духовный раздрай – массовый, за-

Введение

метим, – со всеми его внутренними и внешними «побочными эффектами».

И вот тут, в процессе поиска выхода из состояния индивидуального и массового раздрая, возникает вначале смутное, но постепенно крепнущее понимание: причиной происходящему – утрата корней, размывание понятий, забвение обычаев, подмена ценностей и т. д. Естественным следствием этого понимания становится обострённое, пристальное внимание к прежнему, Изначальному. Тогда-то – высверками ночных зарниц, полыханием северного сияния – вспыхивают старые, извечные вопросы: кто мы? откуда мы? и как жить нам дальше, чтобы выйти из состояния раздрая и вернуться к состоянию гармонии – **естественной** гармонии с самими собой, с нам подобными; наконец, с Миром во всей его целостности?

С другой стороны, есть, видимо, нечто очень верное в представлениях о природных мировых Силах и их олицетворении – древних Богах, многаяжды объявленных заблуждением и вымыслом, отринутых мановением некой дирижёрской руки, окрещённых «бесами», а затем переименованных и перелицованных на чужеродный лад... И тоска, неосознаваемая порою, по этому Нечто – это отнюдь не рафинированная кабинетная тоска по «золотому веку», в иерархии которого всё якобы было расставлено по своим местам...

Но оставим покамест обсуждение причин возрождения в стороне. Сегодня куда важнее,

насколько и в каком виде жизнеспособно это движение. Ведь оно принимает разные формы и имеет очень разные проявления, включая и агрессивное чванство самозванной «элиты», и невнятный «этно-экологизм», и политические амбиции, и понимание необходимости серьёзных перемен в духовной жизни людей и общества в целом.

То, что возрождается сейчас... нет, это не ролевая игра (та всё-таки, скорее, забава), но и не та древняя вера предков, за которую люди в своё время готовы были идти на смерть. Язычники древности едва ли поняли бы многих из тех, кто сегодня считает себя их наследниками. Ведь **быть язычником означает прежде всего определённым образом мыслить и соответственно действовать.**

Давайте попробуем взглянуть на существующее положение дел непредвзято и как бы немного со стороны.

Большинство тех, кто прилюдно демонстрирует свою приверженность языческому мировоззрению, – горожане. Надо думать, подавляющее большинство. Им, горожанам XXI века, в сущности, неведомы повседневные заботы, тревоги и чаяния тех жителей лесов, опушек и речных берегов, к чьим взглядам на мир, верованиям и убеждениям они так искренне и истово стремятся вернуться.

В некотором смысле они безмерно правы в этом своём стремлении, ибо как же сложно обрести душевный покой и лад в жизни, заполненной

погонею за деньгами, в убогой тесноте городских квартир и в условиях постоянного чужеродного информационного давления. Но таково уж наше, как говорят, «индустриальное» и «постиндустриальное» бытие. Оно лишено священного, лишено глубинного смысла, который – и большинство думающих людей чувствуют это – наполнял само существование наших предков. Настоящий живой человек, даже сам того не сознавая, хочет иного жизненного устройства. Вне зависимости, а то и вопреки своей национальной, социальной принадлежности и своим убеждениям. Каждый или почти каждый жаждет восполнить пустоту, возникающую на месте утраченного смысла. Каждый делает это как умеет. Отсюда, в том числе, пьянство, роковое пристрастие к наркотикам (неважно, химическим или музыкально-телевизионно-компьютерным). Отсюда – озлобленность и раздражение на всё окружающее. Мы словно бы утратили часть самих себя. Очень значимую часть. *Основную.*

Возможно, нам удастся вновь обрести её, если мы сумеем войти в пространство естественной основы основ – смыслов язычества (а поскольку мы в большинстве своём славяне, русские, то в первую очередь – *русского* славянского язычества) – и слиться с ними воедино, сделав их неотъемлемой частью самого своего существа. Не отказываясь, однако, от совокупного (положительного, в первую очередь) опыта человечества в целом.

* * *

Увы, книги, посвящённые вопросам славянского язычества, как изначального, так и современного, в большинстве своём страдают одной бедой: их авторы, при всей своей несомненной искренности, не знают или не учитывают объективных фактов и сведений о язычестве древности. А науки – в том числе о материальной культуре прошлого и традиционном мировоззрении – не стоят на месте, обогащая сокровищницу наших знаний о прошлом новыми фактами и открытиями, которые зачастую вынуждают нас пересматривать ряд привычных и, казалось бы, незыблемых представлений. Да, некоторые факты предвзято толкуются или неоправданно раздуваются; да, некоторые открытия намеренно или по недомыслию замалчиваются; да, серьёзные труды выходят столь малыми тиражами, что порою их трудно отыскать. Но – разве это оправдание? Кто ищет, тот всегда найдёт.

Наше право и, наверное, святой долг – верить в величие предков, в мудрость и глубину их познаний о мире... С одной поправкой: не надо подлогов и мистификаций... не надо страшеньких, сладеньких или возвышенных мифов – новеллов, за каждым из которых, если взглядеться, кроется чья-то та или иная, большая или малая корысть. И не надо вымыслов и домыслов, осно-

ванных на обмане и самообмане, ибо они порождают самообман и обман. Вымыслы и домыслы задурманивают голову сторонникам и, научно развенчиваемые недругами, дают последним повод для нападок. Так было, есть и будет – нравится нам это или нет.

Да, рассказы и околоокультурные вымыслы можно бесконечно разбирать по косточкам, предъявляя доказательства их несоответствия Знанию. Увы... Слепые не увидят. Глухие не услышат. Корыстные «не заметят». Фанаты отвергнут.

Мы обращаемся к тем, кто искренне стремится постичь **смыслы**, – и сами стремимся и стараемся их постичь. Ведь всегда были и будут те, кто готов думать, размышлять и искать Настоящее. Совместный поиск обогащает и возвышает. На этом пути не избежать ошибок, но не признавать их, меняя под давлением новых открытий свою точку зрения, было бы просто глупо.

Пока есть человек, а мир таков, каков он есть, подлинною силою будут обладать только те ценности, что соответствуют изначальным законам мира. Именно их необходимо извлекать из мнимого небытия и возводить на уровень признанных обществом. Поэтому мы – за осознанное созидание, за повседневное использование Родовых и Природных ценностей, и не только для себя самих, но всего нашего народа и страны в целом.

Настоящее современное язычество, в том числе славянское, русское – это незыблемые понятия

и устои бытия, пронесённые народом через века и тысячелетия и сохраняемые и возрождаемые нами: там, где возможно, – буквально, где нет – с поправкой на объективные реалии современного мира.

В традиционных обществах социальные явления «...не изолированы; каждое явление содержит в себе все нити, из которых состоит социальное полотно. В этих совокупных социальных явлениях, как мы предлагаем их называть, все виды общественных институтов (образований) находят своё одновременное выражение: религиозное, юридическое, нравственное и экономическое» (М. Мосс, «*Essai sur le don*», 1925). Поэтому природные, общественные, семейно-родовые и личные ценности только тогда настоящие, когда пронизывают все уровни бытия.

ЖИВОЙ МИР ЯЗЫЧНИКА

Мышление и мировосприятие человека традиционного общества принято называть *мифологическим*. Это относится, конечно, не только к русским, славянам и вообще индоевропейцам. «Мифологически» думали и думают люди во всём мире. Подобный способ мировосприятия присущ человеку, видимо, изначально. Разрушение его приводит к разрыву тончайших связей между людьми и окружающим.

В чём особенность мифологического мышления?

«Миф есть... символ», – мудро заметил А. Ф. Лосев. Для носителя мифологического мышления символом, то есть мифом, является весь мир. Человеку, который мыслит мифологически, присуща склонность видеть вокруг не просто явления природы или чудеса, творимые сверхъестественными существами. Вселенная видится ему сложным сочетанием волшебного, иномирного – и повседневного, обыденного. Сочетанием противоположностей, которое на деле есть неразрывное целое. *Боги* и духи – не где-то **там**. Они **здесь**. Постоянно. Ежесекундно. Их присутствие можно ощутить в лёгком дуновении ветерка и в колыбании былинки при полном безветрии. Им можно пожаловаться, их можно попросить, с ними можно поспорить. *Человек* – их потомок и

наследник, их помощник, можно сказать, сотрудник. В этом совместно с Богами творимом мире, по сути – в проявлении Божественной Вселенной, он – равноправная и очень важная часть мирового движения. *Без человека немислим естественный ход вещей в Пространстве и Времени: ведь если человек не поможет богам двигать Солнце, утро может и не настать...*

Мифологическое мышление, по нашему мнению, отнюдь не противоречит праву и возможностям человека познавать окружающую действительность средствами рациональной науки. Они могут сосуществовать, и тот, кто умудрился совместить «образ» и «разум», сделать их **равноправными**, получает двойное преимущество в деле постижения загадок и смысла бытия.

Мы предлагаем вам ощутить себя человеком обычая. Погрузиться в то «пространство смыслов», которое побуждало наших предков оценивать мир вокруг себя и себя в мире, действовать именно так, а не иначе. Для этого не требуется непременно бежать пить обрядовый мёд, примерять более или менее традиционную одежду и даже есть шаманский гриб мухомор. Для этого достаточно пробудить истинную, наследственную память прошлого, которая, ничем не выдавая своего присутствия, дремлет до поры внутри каждого из нас. Не романтическое представление о прошлом, а именно **память...**

Итак...

Круговорот повторяющихся явлений природы и ежегодный ход небесных светил над горизонтом убеждали человека обычая в повторяемости всех явлений в мире. Не будем здесь обсуждать, насколько правы или не правы были наши предтечи. Важно, как **именно** они видели, как **именно** оценивали и описывали увиденное, как строили на основании увиденного и оценённого жизнь.

Вселенная наших *предков*, которую они описывали словами, надо думать, изрядно отличными от слов современного языка, была волшебной и разной. Иногда – опасной, иногда – дружелюбной. Её пронизывали скрытые и явные силы, всегда требовавшие от человека если не настороженности, то внимания.

И жизнь текла по-разному: порою была спокойной и радостной, чаще – тревожной и полной опасностей.

И не было другого выхода, кроме как «держаться своих сородичей», зная: не выдадут, не подведут... Люди жили и действовали, опираясь на законы высшей целесообразности, главная цель которых – выживание. Выживание потомства. Выживание *рода*. Выживание памяти, поскольку память есть непреложная родовая ценность, объяснение того, кто ты и почему.

Мир вокруг был живым и разумным. Людям вообще свойственно очеловечивать всё вокруг себя

(хотя в каком-то смысле правильнее было бы делать обратное: не мир мерить собой, а себя – миром). Но неотдельность и неотделённость человека от Вселенной делали такое представление оправданным. Мы – плоть от плоти того, что вокруг нас. И тех, кто вокруг нас.

Когда человек рождался, он не брался из «ниоткуда». Он приходил в *явный мир* из *неявного*, где так или иначе пребывала его *душа*.

Это сегодня, при нынешнем уровне развития медицины, мы, можно сказать, не имеем таких проблем с детской смертностью. Ну а в былые времена... Действительным членом семьи-рода ребёнок становился лишь спустя некоторое время после рождения, когда становилось ясно: он выживет и, более того, он не подменш, подсунутый недоброжелательными духами по их великой хитрости или по недосмотру родителей. Происхождение духов могли объяснять по-разному, но суть от того не менялась. *Рожаницы* (или *суденицы*) в момент рождения дитя судили ему *судьбу-удел* – *долю* или *недолю*, отмеряли количество *удачи*.

Выживший младенец становился участником второго после рождения *перехода* в своей жизни – его **принимали** в *род*. Род признавал его своим (естественно, для этого требовалось провести довольно сложные порою *обряды* – но так было издревле заведено). До известной степени **вся** земная жизнь человека состояла из ряда таких переходов, связанных с достижением им опреде-

лённого возраста, изменением его положения в семье (роде, племени) или, видимо, выбором того или иного занятия. Принятый в род получал прозвание-*имя*, осваивал человеческую *речь*, «врастал» в *общину*. Он постигал свойства растений и животных, добываемых для пропитания: законы их жизни, произрастания, созревания... Он ступал по *Земле* и учился её ощущать, возделывать и почитать, выращивать или зарабатывать *хлеб*. Его согревал *Огонь*, оберегали *Деды*, без уважения к которым – ко всем без исключения – немислима жизнь, невозможен *Лад*.

По мере взросления расширялось окружающее пространство. Оно расширялось как в ходе накопления опыта, так и вследствие обучения. Человек узнавал, что есть где-то за полями, за лесами *Мировое древо*, на котором держится *Небо*. Есть *Свет*, наполняющий *Воздух*. Есть *Воды* – малые и великие, небесные, земные и подземные. Есть *Боги*. Есть Предки...

Уважение их и почитание – священный долг человека. Только соблюдая все подобные установления, можно было достойно, по *совести* пройти *жизненный путь*: ратнику – добыть *славу*; труженнику – скопить *добра*, достичь высот в своём деле; женщине – нарожать детей и воспитать их; мужчине – уберечь их и любимую. И каждому – избежать неправильностей в мыслях и поступках. Иначе говоря, выполнить свой долг перед родом: и перед живущими ныне, и перед Богами и Предками.

Открытый мир мог оказаться опасным. Да, скорее всего, и был опасен. От опасности зримой, приходящей из «*Дикого мира*» («иномирья»), из непролазных лесов, из-за границы поселения, защищали рвы, валы да изгороди; воинские или хотя бы охотничьи (всё близко!) навыки и умение чуть что уйти в чащобу, превратиться в часть того самого «Дикого мира». От незримой – *обереги* и крепкие *заговоры*.

В *праздники* весь род (а позднее – вся община, жители поселения и окрестностей) собирался в священном месте на *капище*, у образа *алатыря-камня*. Издревле завещанные поколениями предков обряды помогали блюсти установленный испокон веков обычай смены череды праздников – времени вне времени, – помогали Богам поворачивать *годовое коло*, помогали Миру **быть**.

Здесь, на священном месте, в суждённые дни открывались врата между мирами. И тогда зримо воплощалось триединство Неба, Земли и Человека. Здесь приносили *жертвы* и возжигали *крады*. И дым треб призывал Богов прийти к их потомкам. Здесь стояли *чуры* – образы Богов-Предков... Образы, живые и исполненные смысла и в то же время вполне условные. Завершали праздники *братчинные трапезы*, на которых Боги разделяли с человеком пищу. Здесь учились мудрости пращуров, родной *крови* и тем очищали *душу*, принося Мирозданию присягу-*роту*: не желать чужого, но и своё в обиду не давать.

Каждый был призван достойно прожить жизнь, и не было для человека большего бесчестья, нежели оказаться отторгнутым от рода, стать изгоем, а в лучшем случае остаться при роде, но – никем, «сиротой».

И не так важно, какова твоя *власть*, кто ты – воевода или волхв, охотник или пахарь... Иное важно: если удалось на пути своём привнести в жизнь толику красоты да Лада, то и радость. Возрадуются на *том свете*, в Ирии, души – помогут, когда придёт черёд свидеться с прародителями, да, быть может, освободить им место на земле для нового рождения. О новом рождении по-разному рассуждают, но если оно и будет, то лишь в своём роду: нельзя, невозможно родиться немчином, коли ты словенин.

Когда же придёт назначенный срок ухода, тогда и справят по чести *тризну* на свежем *кургане*. Станет курган частью семейного капища. Настанет пора для ушедшего приходить вместе с *навьями* в урочные поры и помогать ныне живущим на земле да следить, чтобы они, живущие, *Обычай* блюли.

Немыслимо разорвать эту цепь – как недостойно обидеть Землю, Воду, Лес, Огонь, как неммыслимо хулить Небо и преступить роту. Как недопустимо предать память Предков – всех поколений от Первого, принесшего себя в жертву для того, чтобы мир был сотворён, до ближнего, отца с матерью. Потому во всякий праздник необходимо

символически повторить те действия, которые когда-то, в Начале Начал, содеял в сходных обстоятельствах Предок, и думать так, как думал он. И прожить на *этом свете* между праздниками по завету и исконному установлению.

Чувствовать так. Думать так. Понимать так. Действовать так. Ежечасно. Ежесекундно. Всегда и везде.

Всё иное – *не язычество*. Всё иное суть игрища – самоублажение и самообман. А самообман опасен, ох, опасен! Надо ли объяснять, чем и почему? Жить по-язычески можно и в городе. Вопрос, каковы плоды дел твоих.

Если и в самом деле цель жизни земной человека – установление Лада, значит, по обретении оно, и в иной мир такой человек перейдёт с Ладом в душе, готовый ко встрече с тем, что ждёт его впереди. И так прибудет Лада и на том, и на этом свете.

Тот, кто пришёл к природной вере, кто с собой и с Миром в Ладу, не станет бояться наказания в виде адского пламени или иных мытарств. Не внешним – внутренним сильно сегодняшнее язычество. И держать человеку ответ за то, как и чем он жил, не по страху, а по совести – и перед собой, и перед родом, и перед Богами своими.

...Боги ...Душа ...Земля ...Род ...Долг ...Совесть ...Лад.

Русское Языческое

МИРОКОЗЗРЕНИЕ

Словарь основных понятий

Устройство словарной части

В словарную часть включены представляющиеся авторам значимыми понятия, известные из истории духовной и материальной культуры русского язычества. Значительная их часть приобрела в современном языке иной смысл, поэтому для восстановления первоначального значения слов мы вынуждены были обращаться к историческим источникам и доказательным исследованиям в области этимологии, истории и археологии.

Здесь рассмотрены понятия, относящиеся к представлению о мире, окружающем человека, и взаимоотношениям человека с миром и людьми. В ряде случаев взгляды авторов существенно отличаются от устоявшихся в среде современных язычников, что обусловлено стремлением сохранить научный подход и не закрывать глаза на ряд понятийных сложностей и разногласий. То же касается и критического отношения к ряду принятых в современной науке воззрений.

Слова выстроены в алфавитном порядке.

Отсылки к другим словарным статьям выделены **жирным начертанием**.

Смысловые ударения выделены *курсивом*.

Список использованной литературы, сокращений и сведения об авторах приведены в конце словаря.

АЛАТЫРЪ (ЛАТЫРЪ) – КАМЕНЬ –

«всем камням камень», «бел-горюч камень» (у Даля *Алабѳр, Алабырь*). Многогранное и ёмкое древнее понятие, символ начала, истока. Образно **А.** обозначает точку отсчёта, «трон, на котором нельзя произнести ни слова лжи».

О происхождении слова «**А.**» до сих пор идут споры. Этимологи сомневаются в заимствовании из латинского «*altare*» (алтарь) или др.-исл. «*altaristeinn*». Связь со словом «алтарь» в значении «жертвенник» видится как поздняя и обратная, несмотря на близкий смысл (лат. *altaria* (от *altus* – «высокий») действительно означало жертвенник; а первоначально – место для жертвоприношений на открытом воздухе) (Фасмер, 2003; Славянские древности...). В христианских храмах понятие «алтарь» заменило слово «престол», но, видимо, не сразу, а примерно к XV в. В науке распространено отождествление **А.** с янтарём (Никитин, 1983; Славянские древности...).

В части русских заговоров и преданий **А.** лежит на острове Буяне посреди Моря-океана. На нём стоит **Мировое древо** или трон, под ним сидит змея, а из-под него по всему миру растекаются целебные реки. Возле него, согласно преданию, упала Голубиная (Глубинная) книга, в которой

содержатся тайны Мироздания («откуда есть пошёл белый свет» и т. д.). Балтийское море иногда называли Алатырским. Здесь уместно вспомнить о святилище Аркона на острове Руян, который доказательно отождествляют с Буяном русских **заговоров**. «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел горяч камень. На сём камне...» Не случайно в потусторонний мир русских сказок (Медное, Серебряное, Золотое царства) герой попадает, отвалив камень, и из-под него получает он оружие – меч-кладенец. В каждом из этих случаев уверенно опознаётся **А**.

С установки **А**. – точки отсчёта – начинали строительство или закладку поселения и обустройство **капищ**. На капище **А**. является «нулём», своеобразным началом Мира, Скалой Времени, Мировым камнем, **Мировой Горой**, то есть местом, едва ли не более значимым, чем другие его части (за исключением, может быть, **крады**).

Все священные почитаемые камни, древние и новые, есть не что иное, как воплощения *Того Самого* изначального **А**.-камня, пупа Земли, средоточия сил Мироздания: «Камень **А**., никем не ведомый, под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца».

Вот почему **А**. требует особого отношения. Он является не просто священным объектом, но воплощением силы «по определению». Речь идёт, прежде всего, о силе Земли, о том, что сегодня иногда называют «земными энергиями».

БОГИ –

в языческой Традиции прежде всего *универсальные Мировые Силы*. В понимании язычника Мировые Силы есть именно Сущности, Личности, а не обезличенные бездушные явления.

Слово «**Б**.» родственно др.-инд. *bhāgas* «ода-ряющий, господин, эпитет Савитара и второго из Адитья», др.-перс. *baga-*, авест. *baγa* «господь», «бог» от др.-инд. *bhājati, bhājatē* «наделяет, делит», авест. *baχšaiti* «участвует», греч. *φαγεῖν* «есть, пожирать». Первоначальное значение – «наделяющий»; ср. др.-инд. *bhāgas* «до-стояние, счастье», авест. *baγa-, бага-* «доля, участь» (Фасмер). Таким образом, слово «**Б**.» означает, скорее всего, «податель» и, по некоторым предположениям, может являться первоначальным именем (эпитетом?) собственно Бога-Творца.

Древнерусской литературе присуще безымянное обличение тех, кто «во твар вероват, в солнце и в месяц, и во звезды, и инии ижи в море и в реки, и во источники, и в дерева польская, и во звери, и во огонь, и во иныя вещи различная». **Б**. «“нарицали” на земле, в воздухе, реках, ручьях, солнце и луне» – точнее, во всех природных стихиях... (Слово св. Кирилла о злых духах).

Мы часто называем наших **Б.** славянскими или русскими. На деле в культурах и языках народов, относимых к древу одного протоязыкового корня, отражаются одни и те же всеобщие понятия. Всерьёз говорить об индийских, германских, славянских, греческих и прочих **Бог**ах как **отдельных** сущностях означает отрицать их божественность и ставить в зависимость от человека, его этнической принадлежности, т. е. в лучшем случае исповедовать антропоцентрический, атеистический подход («всё божественное есть отражение социального»).

Впрочем, и такой взгляд имеет право на существование. Тогда богов можно рассматривать как единое племя от крови **Бога Б.**, род, в котором распределены обязанности: скажем, Род – старейшина и глава племени (**рода**), Велес – божественный шаман и волхв, Сварог – кузнец, Перун – карающий судья, следящий за соблюдением Правды Рода ... и т. д.

«Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над ними в небесах, признают, что он всемогущий, заботится лишь о делах небесных, другие боги повинуются ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что *они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов*» [здесь и далее выделено нами. – Авт.] (Гельмольд, 1963). Единым

богом автор именует Свентовита, который в его понимании выступает главным противником бога христианского: «Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только ваграская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, *почитая его богом богов...*» (там же).

При таком подходе область влияния **Б.** не распространяется далее области обитания племени, а уж в современных условиях за пределами государственной границы России, если вторить ревнителям «этнической чистоты» **Б.**, действуют иностранные **Б.**

Известно, впрочем, свидетельство о том, что на каждом корабле русов имелся набор боговых столпов, который перевозили с места на место вдали от родной стороны и земли. Вероятно, рус сам считал себя младшим членом такого божественного **рода** и обращался к старшим родичам посредством **чуров** (Ибн Фадлан, 1956).

Поэтому **Б.** представляются язычникам **предками**, выдающимися героями прошлого. И как раз эти младшие **Б.** действуют в рамках этносов.

Нелепо в духе «квасного патриотизма» утверждать, что славянская молния ярче германской, а русская магия могущественней скандинавской, что любовь в нашем народе подчиняется законам иным, чем у наших ближних соседей, а небо у нас

более обильно дождями, и земля урожайнее, и солнце ярче, и гравитация (тяготение Земли) в рамках стран бывшего СССР какая-то особая, и электричество здесь бегаёт по проводу совсем не так, как за рубежом... и т. д. Да и само представление о **Б.** как погодных явлениях неверно.

При подходе к пантеону «по-славянски», на наш взгляд, разумно придерживаться следующих основополагающих подходов:

– Не надо плодить «лишние» сущности. Число фундаментальных мировых сущностей ограничено, значит и число собственных имён **Б.** не беспредельно, что не исключает куда более великое множество эпитетов, «хейти», прилагательных и прозвищ, заменяющих главные имена. Нередко можно услышать отчасти бессмысленный вопрос: «Сколько **Б.** было в Северной Традиции?». Чем более всеобъемлюща Сила, тем больше у неё имён. Мы давно не живём в той исторической действительности, у нас иной образ жизни, другая работа, чем у людей времён расцвета язычества. Едва ли мы сейчас достоверно определим, где истинное имя, а где эпитет. Важно, чтобы они «работали».

– Следует опираться на общую для индоевропейцев традицию – хотя бы потому, что славянские языки относятся к группе индоевропейских языков. Некогда **Б.** были впервые поименованы на некоем праязыке – значит, как был един праязык, так был един и пантеон. Кроме того, Един и

высший создатель, Он же – разрушитель и хранитель Вселенной – например, ведический Рудра.

– В определении задач и черт славянских **Б.** и Богинь множество толков и разночтений даже в литературе научной, не говоря уж о бульварной, заполонившей полки книжных магазинов. Причина тому – утрата или отсутствие достоверной развитой письменной традиции у славян времён расцвета язычества, какая прослеживается, например, у тех же греков или северных германцев.

– Единый общеславянский пантеон, видимо, никогда не существовал – разве что короткое время на ранних этапах формирования. Каждое племя (если не каждый отдельный род) представляло и называло **Б.** по-своему. Условно можно говорить о северной (северо-западной) традиции и южной традиции его построения. Южную в нашем понимании отличает то, что во главе сонма **Б.** оказывается Громовержец (как, например, в Древней Греции и Древнем Риме), а Северную – то, что Громовержец лишь один из многих **Б.**, и он менее значим, нежели бог знания, магии и Дикого мира.

– По мере расширения человеческого знания представления о пантеоне могли меняться. Менялся общественный уклад (с матриархального на патриархальный), взгляды на верховенство в роду, племени и народе. Можем сказать, что, допустим, у восточных славян на определённом отрезке времени главенствовал один **Б.**, другой же пребывал «в ущербе» (ср.: по одному из поучений

против язычества славяне сначала поклонялись упырям и берегиням, потом Роду и рожаницам, потом первое место занял Перун) или же что почитание Богини-Матери некогда могло предшествовать вере в Небесного Отца.

– Следует учитывать, что даты проведения обрядов, посвящённых **Б.**, а равно веки народного календаря условны, за исключением разве некоторых (например, Купала – летнее солнцестояние или Коляда – зимнее), и будучи приведены, например, для средней полосы России, могут смещаться как в силу местных особенностей, так и в зависимости от широты и долготы.

Для понимания славянских **Б.** мы считаем вполне пригодным метод аналогий, основанный на сопоставлении сведений о славянской мифологии и мифологии их ближайших соседей. При выстраивании пантеона необходимо ориентироваться на первоисточники или, если не удаётся ознакомиться с исходным текстом, на их адекватные пересказы.

Пантеон есть отражение (не обязательно совершенное) представлений язычника о месте Сил и **Предков** в мире и их влиянии на природу и общество.

На наш взгляд, современным язычникам не воссоздать вот так, «запросто», пантеона, который бы устраивал решительно всех, если не положить в его основу некие долгоживущие концепции и теории развития Сущего и Не-сущего,

показавшие свою действенность уже сегодня. Пантеон должно постигать в развитии либо это постижение следует, по меньшей мере, сочетать с историческим подходом, основанным на родовых ценностях.

Ещё одним путём построения пантеона может являться широко используемая в физике *теория симметрий*. Здесь имена **Б.** оказываются операторами симметрии, а действия **Б.** – преобразованием симметрии Начала Начал Мира.

Ярким примером вездесущей симметрии в пантеонах и вообще традиционной культуре индоевропейцев являются противопоставления мужского и женского, Неба и Земли, Солнца и Луны, и т. д., более общо называемые бинарными оппозициями.

Если у Мира лишь одно Начало, то едины и Мировые Силы, родившиеся в Начале Начал и творящие Всё. Но мы именуем их на разных языках и обращаемся лишь к некоторым в силу исторически сложившегося в народе восприятия. Вот почему нам всё-таки можно говорить о «русских», «славянских», «индоевропейских» **Б.** как о родных, близких нашему мировосприятию и образу мыслей. И нужно различать чужих, чуждых и даже враждебных нам и роду нашему **Б.** Нужно чтить Родную Землю и не стремиться на чужую.

Братчина

(др.-русс. *братьчина, братьщина, братшина*) – сельское общинное, религиозно-общинное или ремесленное объединение (Славянская мифология, 2002): «...И начаша Ростислава звати лъстью у братьщину» (Ипатьевская лет., 6667); «О братщине» (Новгородская Кормчая книга, 1280). Она же – «праздничный пир складчиной» (Срезневский, 1989).

В настоящее время историки признают первичным значение «объединение», выводя от него и обычай совместных **трапез**, в первую очередь обрядовых, на которые перешло слово.

К первому значению относятся, например, такие свидетельства: «Пошелъ Василій со дружиною. Пришелъ во братчину во Никольщину. Не малу мы тебе [старосте] сыпь платимъ за всякого брата по пяти рублевъ. А и за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ» (Былина о Василии Буслаеве). Садко в былинах просит новгородских мужиков принять его «во братчину Никольщину» и даёт за то «пятьдесятъ рублѣв», что ему по карману, как и Василию Буслаеву, в отличие от прочих братьев.

Надо полагать, первоначально на братчинные пиры допускались только члены одного такого

объединения, союза, вложившиеся в грядущее действие деньгами и/или совместным трудом. К **Б.** принято было готовиться заранее. На собранные средства могли приобрести и впоследствии совместно откормить скотину, которую потом забивали к определённом дню. Также к **Б.** часто совместно готовили пищу, варили обрядовые напитки и т. п.

Постепенно понятие **Б.** расширилось, а значение объединения почти забылось. Сегодня под этим словом понимается и просто обрядовая трапеза вскладчину, когда каждый его участник вносит посильный денежный, продуктовый либо трудовой вклад в общий стол. Братчинные пиры обычно происходили и происходят в дни **праздников**. Если стремиться строго следовать обычаю, то при устройении **Б.** следует тщательно соблюдать требования к подбору блюд на столе, их количеству и порядку рассаживания участников.

Власть –

сегодня так называют способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская **В.**, государственная, экономическая и др.); политическое господство, система государственных органов.

Если происхождение и смысл самого слова (от ст.-слав. «*володеть*») не вызывает вопросов и разночтений, то место власти в рамках языческого мировоззрения определить затруднительно. Это вполне понятно, поскольку, во-первых, образование русского государства в историческое время по сути совпало с принятием христианства, а во-вторых, в наши дни отношения язычников и государства весьма сложны.

В любом случае понятие **В.** как надличностного явления тесно связано с представлением о божественности **Предков**. Наибольшей **В.** обладает старший в **роду** (первоначально, видимо, старейший или более опытный, знающий, хотя со временем старшинство перестаёт быть определяющим условием), как наиболее «ближний» к обожествлённому прародителю **рода**. Он – хранитель обычаев и устоев, священных знаний, обычно он же выпол-

няет и жреческие обязанности – что, впрочем, не исключает существования отдельного сословия духовных лиц. Европейские предания («Сага об Инглингах», античные мифы) сохранили для нас достаточно проработанный образ такой священной **В.** Так, «Сага об Инглингах» повествует, что основателем и первым правителем государства в Скандинавии был Один. Именно он создал и первые законы, по которым существует государство. Таким образом, правила **суда** людей у скандинавов также имели божественное происхождение. Надо полагать, нечто подобное можно было наблюдать у славян – пусть даже с учётом того, что общественное развитие восточных славян протекало несколько иначе. Основателем династии по тому же источнику становится бог плодородия Фрейр, что должно определять и благополучие государства, зависевшее не в последнюю очередь от **удачи** властителя, которая в данном случае воспринималась как проявление божественной силы, доставшейся господину по наследству. Правом на **В.** с такой точки зрения обладают чуть ли не исключительно члены рода, ведущего своё прямое происхождение от **богов**.

С приходом христианства эти представления изменяются. **В.** начинает принадлежать человеку не по праву рождения, но по праву помазания, как бы признания богом его права и обязанности властвовать. На смену наследованию **В.** приходит её передача свыше мистическим путём.

На стыке этих двух представлений рождается, кстати, и весьма распространённая среди некоторых нынешних традиционалистов вера в изначальный образ «царя-жреца», воплощение Солнца на Земле. Вопреки распространённому суждению, такая вера являет собою не сугубо языческое или исключительно христианское предание, но смешение этих двух представлений с сильным мессианским привкусом. Согласно этой концепции, унаследовать **В.** над миром должен наследник по праву рождения (крови), но при этом некие Высшие Силы должны признать это его право и явить людям своё решение. Отметим, что христианские церкви всех направлений весьма отрицательно относятся к разного рода «кодам да Винчи», усматривая в них ересь и бесовщину.

Однако же и языческого – прежде всего с точки зрения **язычества славянского** (да и абстрактного индоевропейского!) – в такого рода преданиях об «Истинном короле» крайне мало. Те, кто поддерживают подобную идею или стремятся увидеть в христианстве искажённое (а то и первоначальное!) **язычество** наших предков, просто показывают самую обычную историческую и культурную безграмотность.

Способ бытования и путь развития языческих представлений о **В.** являет нам так называемая *вечевая демократия* – способ правления, основанный на выборности властителей по общему решению полноправных граждан, членов рода

или общины. Такой способ правления дольше всего был распространён на севере Руси, но и в Киеве ещё в XI в. прослеживаются явные следы городского вече – собрания «лучших людей». С нынешней точки зрения вечевая **В.** кажется весьма разумной и естественной, хотя её устройство в древности и имело множество недостатков, в основе которых лежало общественное неравенство.

По большому счёту, стоит согласиться с теми, кто считает, что наивысшим и самым достойным священного уважения проявлением **В.** следует называть лишь власть над самими собой.

Вода –

наряду с **Огнём, Землёй, Воздухом** и, возможно, **Камнем** (вар.: *Льдом*) одна из символических стихийных основ Мироздания. **В.** – источник жизни и одновременно граница между миром живых и миром мёртвых (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), а также сам потусторонний мир (Славянские древности...). Может символизировать хаос.

Слово «**В.**» родственно лит. *vanduõ*, род. п. *vandeñs*, жем. *unduo*, др.-верх.-нем. «вода», гот. *watō*, арм. *get* «река», фриг. *βέδν*, др.-инд. *udakām*, *uda-*, *udán-* «вода», *unátti* «бить ключом», «орошать», *õdman-* ср. рус. «поток», алб. *uj* «вода».

Древнейшие представления позволяют говорить о существовании разной **В.**: земной (подземной) и небесной. Та и другая отличаются по своим свойствам, но «смыкаются» друг с другом (Домников, 2002). Это помогает понять то, как наши предки представляли себе **пространство**. **В.** «закрывается» на зиму (как и иной мир), открывается по весне. В белорусских весенних песнях упоминается, что св. Юрий (заменивший Хорса или Ярилу) первым делом открывает по весне землю, травы, росу и **В.**

В. почитают во всех значимых **праздниках** годового круга. Если прямая связь такого рода не прослеживается, в народных обычаях всегда можно найти в непосредственной близости от солнечной календарной даты день, в который надлежит производить почитание колодцев, источников, рек и т. п. или закликать дождь.

Уместно указать и на то, что в древнейших **стáринах** нет такого явного противопоставления **В.** и **Огня**, какие присутствуют у более южных народов или в поздних мистически-окультиных представлениях. Над разными **В.** властвуют разные **Боги** (скажем, Дый, Дажьбог или Перун повелевают **В.** небесными, а змей (Велес в облике змея?) – земными и/или подземными). С этими представлениями, надо думать, связаны и сказочные рассказы о живой и мёртвой **В.**

Возможно, с этим связаны и представления об изменении свойств **В.** во времени. Так, белорусы считали, что нечистая сила пребывает в **В.** всю зиму до Водосвятия, а после этого переходит в деревья. Нельзя не упомянуть и живущего в **В.** особого духа – Водяного, или Водяника.

И **В.**, и леса, и земли, и поля населены природными духами. В «Слове и откровении св. Апостола» (по рукописи XVI в.) читаем: «Мняще боги многи, Перуна и Хорса, Дья и Трояна и инии многи... и тако прелесть вниде в человеки и до сего дне есть в поганых, глаголят ово суть боги небеснии, а другии земнии, а другии польстии

(полевые), а другии воднии» (Фаминцын, 1995). В это верили наши предки, в то же надлежит верить и нам (вне зависимости от того, что именно мы понимаем под духами).

В русских заговорах к **В.** обращаются «Мать-царица», «Царица-водица, святая водица, ключевая матушка». Иногда обожествляли непосредственно саму **В.** Так, в Вятских епархиальных документах (1739) сообщается, что люди молились **В.**, приносили ей жертвы и говорили, мол, **В.** «Бог есть, и молились они Богу».

В. традиционно понимается как стихия с чётко обозначенными личностными качествами основательницы **рода** и заступницы.

Сегодня почитание **В.** остаётся широко распространённым в виде трепетного и совершенно языческого даже у многих христиан отношения к священным источникам, колодцам и т. п. Многие ревностные почитатели их развивают даже бурную деятельность по «охране» ключей с хорошей чистой водой, совершенно разрушая при этом природную среду и тем самым нередко уничтожая бесценные родники. Для язычника такое отношение к ним неприемлемо, поскольку **В.** и источник жизни, и местопребывание душ предков, и сама *живое божественное существо*. Непозволительно ни плевать в **В.**, ни каким-либо ещё образом оскорблять её, причинять ей вред, попусту расходовать.

Воздух

(церк.-слав. *въздоухъ* – заимствование из ст.-слав. воз + духъ); *ветер* – наряду с **Огнём**, **Землёй**, **Водой** и, возможно, **Камнем** (вар.: Льдом) одна из символических стихийных основ Мироздания. Здесь пребывают души и невидимые существа. Первоначально «ветер» – имя собственное, чем объясняется форма мужского рода.

Родственно «веять», лит «буря», др.-прусск. *wetro*, др.-инд. *vātas*, авест. *vāta-* («ветер»), др.-инд. *vāti*, *vāyati* «веет, дует», ирл. *feth* «воздух». Предположительна и связь с лат. *vēntus*, гот. *winds* «ветер» (которое восходит к **vēnto-*).

В античную эпоху **В.** рассматривали как одну из составляющих прежнего мира, Хаоса:

(15) Там, где суша была, пребывали и море,
и воздух.

И ни на суше стоять, ни по водам
нельзя было плавать...

(31) Воздух был света лишен,
и форм ничто не хранило.
(Овидий, **Метаморфозы**)

Согласно воззрениям древних скандинавов, Всеотец Один «создал небо, и землю, и воздух, и всё, что к ним принадлежит» (Младшая Эдда). Связующую и душетворящую роль **В.** у индо-

европейцев подтверждает то, что при космогоническом расчленении Пуруши «пупок его стал воздухом» (РВ, X.90.14), а от дыхания его возник ветер.

Таким образом, **В.** – то, что связывает Небо и Землю, третье из первосотворённого.

В славянском мировоззрении с **В.** (*ветром*) соотносилась сама **жизнь**.

«...Вседержитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо человеку на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сея на **воздусе**, мечеть на землю груди – и въ томъ ражаются дети... Всем бо есть творец бог, а не Род» (О вдуновении духа в человека). «Ветры буйные от Свята духа» (Голубиная книга). Таким образом, в апокрифах говорится, что Бог *вдыхает* в человека душу.

Итак, **В.** предстаёт в виде дыхания, дуновения, **ветра**, обладающих множеством символических значений. Дуновение же, дыхание связано с образом жизни, животворящим духом. Само слово **В.** связано со словами «дух», «дыхание». **Душу**, которую иногда представляли как дыхание, отождествляли с **В.**, паром и т. п.

«Третий [идол] Позвиздъ, ляхи его нарицаху Похвистъ; сего верили быти бога аеру, си есть **воздуху**, а инии погоды и непогоды, инии его вихоромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко Богу кланяющесе моляхуся» (Густинская летопись и «Синопис»). «Исповедающе нарица-

ющие бога быти **воздуха**, вёдра и безгодия» (О идолах Владимировых).

Согласно Эддам, ветер производит исполинский Орёл, сидящий на самой вершине **Мирового древа**, и машущий крыльями, чем весьма напоминает Дива, «клычущего» с того же древа князю Игорю и его войску.

В. может испортиться, что происходит в моменты полного затишья, при солнечных и лунных затмениях и т. п. По *ветру/В.* можно наслать порчу, болезнь, проклятие.

Всё наполняющий, всех связующий и всюду проникающий «буйный ветер» знает обо всём, что происходит на Свете, он – вещий, обладает даром предсказания и ясновидения. В символическом смысле **В.** служит обозначением Силы, или, как мы теперь говорим, *энергии*, некой субстанции или поля, позволяющей осуществлять волшебные действия.

Воля –

одно из важнейших традиционных понятий, свобода и возможность осуществления желаний («**В.**-матушка, а мир-батюшка»). В русском **язычестве В.** чаще всего связана с возможностью выбора и изменения доли, участи и судьбы вообще. Добрая **В.** – согласие (ср. поговорку «Своя **В.**, своя и доля»).

В. – это жизнь вне насильственных ограничений, но безграничная, то есть вне ограничений и законов, устоев и установлений **рода**, **В.** тоже не хороша: «Своя **В.** страшнее неволи», «**В.** губит, неволя изводит», «Разгул на **В.**» (т. е. «как вздумается», «как душа пожелает»).

Отсутствие **В.** равносильно отсутствию изначального (или слабости) желания, и в некоторых случаях (например, брачный выбор) утрата **В.** или невозможность осуществить собственное желание объясняется чужой, более сильной и значимой **В.** (ср. у М. Ю. Лермонтова: «Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы!»).

Иначе говоря, свободный **человек** обладает сильной (собственной) **В.**, способностью или возможностью присвоения и исполнения желаний. Быть «в **В.**» – обладать правом, властью и желанием что-то делать. «В вашей **В.**» (т. е. «Вы свободны в

своих желаниях, имеете право»» (А. С. Пушкин). Дать **В.** – предоставить право самому решать свою **судьбу**, дать свободу самостоятельного решения собственной участи. Ср. тж. др.-русск. «волость» (власть), «володети» (владеть), «вольство» (воля) (Срезневский) (см. **власть**).

Замужество в ряде случаев тоже предстаёт как продажа в неволю, отдача жениху невестой собственной **В.** или передачу ею **В.** окружающему миру, расставание с **В.** (Славянские древности...).

В поэтических фольклорных текстах **В.** символизируют неприкрытые *волосы* (у мужчин – бороды). Сбривание царём Петром I бород у подданных в известной мере означало окончательное подчинение их властителю. Утрата волос, косы, бороды равнозначна лишению магической силы и **В.** (Руслан отрезает бороду Черномору, замужняя женщина на Руси не имела права появляться на людях с неприбранными волосами). Это справедливо не только в отношении славян – отрезанием волос позорят самураев.

Возможно, не случайна этимология имени *волохатого* скотьего бога Волоса и его служителей – *волхвов*. Тогда **В.** есть первооснова волшебства и власти. (Русская Традиция, 2007).

Освободить женщину «из неволи» у мужа или помочь приворожить мужа могла женщина вольная, т. е. незамужняя, каковыми выступают в фольклоре одинокие старухи-ворожеи, ведьмы, Баба Яга и т. п.

Переход к самостоятельной, свободной жизни ученика (культурного героя) традиционно связан с нарушением им **В.** учителя (властителя, мага, волшебника, колдуна), то есть доказательством права на собственную **В.** и Силу. Обретение **В.** или её утрата символически выражены в утрате старого или получении нового **имени.**

ВРЕМЯ –

наряду с **пространством** является одной из основных составляющих языческой картины мира. **В.** – это, в том числе, продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами; эпоха; пора дня, года.

По М. Фасмеру, «**вермя*, ср. укр. *вѣремо* “вѣдро, погода”, бел. *вѣреме*, др.-русс. *вермя*, ст.-слав. *врѣмя*... болг. *врѣме*, сербохорв. *вријѣме*, словен. *vréme*. || Родственно др.-инд. *vártma* ср. р. “колея, рытвина, дорога, желоб”, сюда же вертеть» (Фасмер, 2003). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «**В.** – длительность бытия, пространство в бытии, последовательность существования, продолжение случаев, событий...» А. Г. Преображенский в своём «Этимологическом словаре русского языка» также указывает на близость слова «**В.**» к словам «вертеть, воротить, коловорот».

Сегодня мы мыслим **В.** линейно, но восприятие его как отрезка непрерывной прямой, имеющего начало и конец, складывается довольно поздно и зарождается в культурах, воспринимающих Мироздание как нечто отдельное от его Творца. С этой точки зрения всё происходит лишь единожды, если вообще не предопределено заранее.

В народном понимании **В.** неоднородно. Это представление восходит к древнейшим языческим образам-картинам Вселенной. В основе представления о **В.** наших индоевропейских и славянских предков – мифологема о «вечном возвращении». Вселенная существует циклично – она раз за разом возрождается и самообновляется: мир возникает, развивается, проходит пору зрелости, после чего приходит к концу существования и... всё повторяется сызнова. Есть **В.** Богов и **В.** людей, **В.** хорошее и **В.** неблагоприятное.

Нравне с **Богам** (богом) **человек** есть неотъемлемая составляющая этого мирового процесса. Человек с этой точки зрения сотворец, своим правильным поведением непосредственно содействующий рождению, взрослению, зрелости и умиранию Мира. Сам он проходит точно такой же **путь**, проживая замкнутый круг, обладающий священной и магической силой. Для человека мерилom цикла служит прежде всего *один год* – промежуток времени от некоего «природно-космического» события до его, этого события, повторения. Снова и снова настаёт – нет, не **В.**, – **пора**. Пора охоты. Пора посева. Пора сбора урожая. Пора **праздника**...

Пусть в обыденной жизни человек и волен поступать так, как то свойственно племени людскому, в силу каких-то причин утратившему постоянную сопричастность «горнему» миру (впрочем, едва ли он может действовать иначе, будучи *толь-*

ко человеком), но в «ключевые» отрезки кольца **В.** он, в сущности, такового права лишён.

Отсюда берёт своё начало идея **праздника** – события или периода не столько радостного, сколько сложного и очень ответственного. Праздник происходит в особом **В.** Вечном, божественном.

Циклическое **В.**, как и личное, неоднородно. Иногда оно движется быстрее, иногда медленнее. Так и мы порою говорим «день пролетел», «день тянется».

Там нет **В.**, но есть нечто иное, неизвестное. **В.** существует *здесь*, среди людей. И оно движется по кругу.

Разделение **В.** на «священное» и «мирское» требовало, надо думать, не только исчисления порядка и сроков смены лета, осени, зимы и весны, но и, конечно, неких «линейных» бытовых расчётов. Речь идёт об определении, например, сроков беременности, о назначении даты поминаения и так далее. Повседневная бытовая и хозяйственная деятельность в традиционном обществе также была строго «размечена». Люди соблюдали множество запретов и ограничений на действия или, напротив, отказывались от них на какой-то срок.

Сегодня мы считаем годы в том числе и для того, чтобы «закрепить» свою историческую память. В традиционном обществе в этом не было нужды – деяния **предков** жили в песнях, преданиях, если не вообще проявлялись в самом окружающем мире в виде природных перемен. Хотя

в Древней Италии существовал, скажем, счёт от основания Рима. А в Древней Греции – от первой Олимпиады. Но куда важнее был древний священный календарь, позволявший исчислять сроки наступления событий иного, Вселенского порядка – «сроков до скончания **В.**» (Сумерек Богов или Конца Света).

Наше внутреннее Я, наше естество жило и продолжает жить по природным законам, по божественным правилам. И поделаться с этим ничего нельзя, да и не нужно. Это наш ритм жизни, хотим мы того или нет.

Годокое коло,

годовой круг, лето – единица членения **времени**, основанная на видимом движении Солнца и Луны, а также смены времён года.

В основе представления о **Г. К.** мысль о том, что из года в год в Мироздании протекают одни и те же процессы, по сути происходит творение, рост, старение и умирание всего мира. Тому же ходу событий подчинены все природные процессы, а также жизнь человека. За год мир изнашивается, поэтому необходимо подкрепить его, для чего и необходимо выполнять соответствующие **обряды**. Вот *причина* и, в значительной мере, *первоначальный смысл праздников* и праздничной обрядности. Все они не только воспроизводят то или иное предание, но дают людям возможность соучаствовать в божественных деяниях, в поддержании и движении Мироздания в пределах **Г. К.**

Умение исчислять **Г. К.** обусловлено священными надобностями и самим жизненным укладом. Надо полагать, оно присуще индоевропейцам с древних времён. Свидетельством тому – астрономическая роль многих святилищ, в том числе славянских, выявленная научными исследованиями (см., напр., Русская Традиция, 2006).

В далёком прошлом славяне, видимо, делили **Г. К.** не на четыре, а на два времени года, в каждом

из которых присутствует своё *солнце* (летнее и зимнее). *Лето* и *зима* как названия прослеживаются во всех славянских языках.

Началом года считалась современная весна (Великдень или дата, близкая к весеннему равноденствию). После весеннего равноденствия появляется (нарождается) летнее солнце, а исчезает оно на осеннее равноденствие, уступая место солнцу зимнему. По другим представлениям, связанным не столько с хозяйственной деятельностью, сколько исключительно с солнечным циклом, солнце умирает в *Корочун* (самый короткий день в году), после чего рождается вновь.

Г. К. принято делить на следующие обрядово-праздничные циклы:

1. Колядный.
2. Масленичный.
3. Ранневесенний.
4. Средневесенний-великодневный.
5. Семицко-купальский.
6. Праздники урожая.
7. Осенний (равноденствие – Сварожицы (Осенние деда)).
8. Святочный.

Обрядность до зимнего солнцеворота и после него значительно разнится.

Грех –

действие, состояние и поведение, нарушающее нравственность и божественные установления.

Считается, что первоначальным значением слова было «жжение (совести)», т. е. **Г.** – *то, что жжёт*.

В религиозной этике авраамических религий **Г.** есть моральное зло, состоящее в нарушении действием, словом или мыслью воли Бога. По представлениям учёных, понятие **Г.** выделяется из более древнего и не имеющего отношения к морали понятия «скверны» (как бы физической заразы или нечистоты, происходящей от нарушения сакральных запретов – табу).

Иногда **язычество** обвиняют в отсутствии представления о **Г.** На самом деле это не так. **Г.** в язычестве есть, но он, скорее, должен рассматриваться как нечто внеморальное (хотя и нарушающее этические установления). **Г.** – поступок, который расценивается как нарушение законов Мироздания. В этом смысле совершить **Г.** могут даже **Боги**. Однако такой нарушитель сам ставит себя вне мира, вне общества и **общины**.

Славянский народный обычай выделял разные виды **Г.**, из которых самыми тяжёлыми были **Г.** против Матери Земли и родовой веры. Естест-

венно полагать, что выделение **Г.** против **Земли** есть следствие земледельческого уклада общества и что ныне столь же правомерно говорить о **Г.** против **Воды, Огня, Ветра, Камня** – иначе говоря, против основных стихий Мироздания. Как **Г.**, *больший*, нежели нарушение церковных требований и установлений, народ рассматривал и нарушение обрядовых и ритуальных запретов, особенно связанных с совершением магических действий, направленных против благополучия **рода (общины)**.

ДОБРО –

старославянское слово, родственное словам из разных индоевропейских языков со значением «ремесленник, художник, кузнец», а также «храбрый, сильный, крепкий, плотный». Таким образом, **Д.** можно понимать как нечто, что создают, что надёжно, сильно.

Это древнее представление существенно отличается от современного (по Ожегову и Шведовой, **Д.** – нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу). Одновременно **Д.** – это ещё и нажитое имущество, то есть опять же созданное, накопленное. Срезневский, впрочем, упоминает **Д.** прежде всего в значении «благо», затем – «доброта», а также «имение».

Д. предстаёт не столько как противоположность злу, то есть чему-то плохому, сколько, представляя с ним неразрывную пару (ср. известное «не будь **Д.**, как мы могли бы понять, что есть зло?»), понимается как творческое и при этом «сильное» качество. Крылатое выражение «добро должно быть с кулаками» удивительно точно отражает смысл понятия.

Как следствие, **Д.** в традиции наполняется не столько моральным, сколько, как и многие другие понятия того же ряда, «прикладным» содержанием.

Долг –

в современном русском языке под этим словом понимают круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для выполнения, или нечто, взятое взаймы. А вот праслав. **dьlgъ* родственно гот. *dulgs* «долг», ирл. *dligim* «заслуживаю, прилагаю», *dligid* «долг». Таким образом, в **язычестве** долг допустимо рассматривать как некое за-служенное обязательство.

Можно предполагать, что со временем произошло некоторое изменение смысла слова, смещение ценностей – от чего-то, что надо заслужить, до только и исключительно обязанности.

Тем не менее, для современного язычника понятие **Д.** включает в себя и **Д.** в значении обязательства перед Родной землёй, перед **Богами, Предками** и перед своим **родом**. Речь идёт о тех обязательствах, которые неукоснительно следует выполнять. Иначе говоря, **Д.** является нравственным понятием, выполняемым из побуждений *совести*. Однако честь иметь право на то, чтобы выполнять такие обязательства, надо ещё и заслужить, что возвращает нас к первоначальному значению слова.

Доля –

возможно, одно из основных представлений о жизненном уделе **человека**.

В широком смысле участь, жребий, **судьба** (ср. у Ожегова и Шведовой: счастливая **Д.**; **Д.** нет кому-нибудь (нет в жизни счастья; устар.)). Родственно ст.-слав. *одолѣти* и т. д., лит. *dalia*, *dalis* – «часть, доля», др.-прусск. *dellieis* и т. д., повел. «делі», др.-инд. *dalam* – «кусочек, часть, половина» и т. д.

Традиционно **Д.** понимают как воплощение счастья, которым наделён человек от рождения, и его меру. В этом смысле она тесно связана с **удачей**. Высказывалось убедительное предположение, что ответственность за **Д.** несут Рожаницы, в которых видят славянских Мойр или Норн, прядущих нить жизни всякого существа, родившегося в срединном мире (Веселовский, 2006). Однако в средневековых поучениях против русского язычества среди главных рожаниц названа Артемида. И ближе всего к Норнам по значению оказываются девы-суденицы.

Д. противоположно понятие «*недоля*» – несчастливая участь, удел.

Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) писал, что славяне не ведают представле-

ния о **судьбе**. Надо полагать, речь скорее шла не о судьбе как таковой, а о существовании жёстко предначертанного и неизменного жизненного пути **человека**. В наши дни понятие **Д.** по-прежнему лишено «фатальной неизбежности». Даже христианское влияние, предполагающее всё-таки существование более жёсткой предопределённости того, что ждёт человека в жизни («на роду написано»), не смогло резко изменить представление о наличии свободы выбора и той прижизненной деятельности человека, которая способна изменить его **Д.** Конечно, вопрос, насколько эта свобода как «осознанная необходимость» действительна, а насколько мнима, остаётся открытым и каждый волен искать ответ на него сам. Подсказкою может служить в первую очередь нравственный стержень человека.

Традиционному славянскому мировоззрению в целом чужда мысль о *жёстко* закреплённых сословных ограничениях. Сословия существуют, но родовой уклад таков, что человек вполне в силах при наличии соответствующих способностей перейти из одного общественного слоя в другой, да и собственно сословные различия у различных восточнославянских племён были, надо думать, выражены неодинаково ярко.

Возможно, **Д.** человека рассматривали как часть некоего общего целого «счастья», от которого всем достаётся малая только часть, но это лишь предположение.

Дорога (путь) –

общеиндоевропейский образ проживаемой человеком жизни, играющий особо важную роль в **переходной** обрядности, который позволяет проявиться столь важным качествам человека, как **судьба, доля, удача**. Одновременно она и вполне осязаемое явление.

В числе родственных слов встречаются понятия «море», «мост», «находить», «узнавать», «изобиловать опасностью» (Фасмер).

Д. может расцениваться как разновидность границы между **своим и чужим** – причём не только как естественный разделитель «по ширине», но и как разделитель двух точек – начала и конца.

Образ **Д.** тесно связан с представлением о центре как о начале всего, в том числе и **Д.** Можно сказать, что без **Д.** нет центра и наоборот. Таким символическим центром могут стать любые перекрёстки **Д.** с той разницей, что есть центр «положительный» и центр «отрицательный» (врата в Хаос). Так **Д.** становится частью представления о пространстве как о чём-то неоднородном.

Д. служит не только для передвижения людей, но для перемещения духов, равно благожелательных и нет. Это общеиндоевропейское представление связывает её с так называемыми «линиями

силы» и легло в основу множества обычаев и ограничений, связанных с обеспечением безопасной жизни (Ермаков, 2005).

Как жизненный путь и как явление, имеющее начало и конец, Д. обычно принято рассматривать в рамках линейного времени. Правда, в таком случае – с современной точки зрения – она всё равно мыслится как отрезок некой условной прямой, которая, в свою очередь, на деле представляется спиралью, по которой идёт восходящее духовное развитие человека.

Душа –

понятие, описывающее психическую жизнь человека и всего мира; как принято говорить ныне, «тонкая материя»; нечто, что сообщает существам внутреннюю, личностную индивидуальность.

Слово «Д.» родственно словам со значением «дыхание», «вздох» и т. п.

Представление о Д. восходит к древнему образу особой силы, которая обитает в теле человека и животного (иногда и растения), способна покидать его во время сна, а также при вхождении человека в особое состояние сознания и в случае смерти. Древнейшие языческие суждения о Д. столь же неоднозначны, как и современные. Считается, что она имеет внешность носителя, но может приобретать и иное обличье (ветерка, дыма, бабочки, птицы, животного).

Есть основания считать, что восточные славяне, подобно ряду других народов лесной полосы Восточной Европы, допускали существование у человека нескольких Д., имеющих разный облик. Так, по польским и украинским представлениям по меньшей мере две Д. имеют люди, связанные с нечистой силой, обладающие необычными способностями. Возможно, мы имеем дело с представлениями, которые восходят к древнему име-

нованию людей, посвящённых в таинства «хитрой науки», лиц духовного сословия *дваждырождёнными*. Подобное обращение до сих пор бытует у индуистов. Та же идея «рождённых в духе» получила развитие и в христианстве. Если происхождение таких представлений и различно (что маловероятно), они, скорее всего, всё же восходят к общей мифологеме.

Надо думать, у разных индоевропейских и славянских племён и народов и на разных исторических этапах появлялись различные представления о Д. Также и сегодня вопрос о её сущности и «содержании» остаётся открытым.

ЖЕРТВА —

приносимый в дар божеству предмет или живое существо, а также приношение этого дара (жертвоприношение).

Старославянское *жрътва* происходит от *жръти* («творю жертву»), *жръць* — «жрец, священник». Родственно словам со значением «хвалить», «хороший», «воспевать, превозносить, восхвалять», «хвала, награда», «превозноситься», «хвалебная песнь», «желанный, приятный, благодарный», «благодарность». **Ж.**, приносимую не просто в силу обычая, но по отдельному настоянию (просьбе), называли *требой*. Сейчас последнее слово распространено как синоним **Ж.** вообще, что не совсем точно.

Исследователи рассматривают **Ж.** как главный языческий **обряд**. Имеются свидетельства о существовании иерархии **Ж.**, которые приносили язычники прошлого. Высшим ритуальным актом в прошлом считалась, судя по этим свидетельствам (подтверждаемым этнографией и археологическими раскопками), человеческая **Ж.** В настоящее время отношение к **Ж.** существенным образом переменялось, в первую очередь применительно к **Ж.** человеческим. В прошлом такая **Ж.** расценивалась прежде всего как де-

яние, направленное на благо и выживание всего **рода**. Осуществлялась она не только жрецом, но и любым язычником, однако первый мог осуществлять **Ж.** от чьего-то имени и постоянно, а второй – одновременно по мере нужды:

«Там среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу той земли – Прове. Их окружало свободное пространство, обнесенное деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. ... Сюда во второй день [понедельник] каждой недели весь народ страны с царьком и жрецом имел обыкновение собираться на суд. *Входить в огражденное место запрещалось всем, кроме жреца и желающих принести жертву* [выделено нами. – Авт.], или же тех, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким никогда не отказывали в убежище. Ведь славяне питают к своим святыням такое благоговение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны...» (Гельмольд, 1963).

Свидетельства, например, арабских путешественников (Ибн Фадлан) указывают на добровольность **Ж.**

Надо полагать, в большинстве прочих упоминаемых в источниках случаев она также имела место (исключение может составлять явно книжная вставка в ПВЛ о принесении в жертву Перуну варяга-христианина и его сына). Распространяемые ныне многими романтически настроенными

идеализаторами древнего славянского язычества суждения о том, что славяне, якобы, не приносили кровавых **Ж.**, противоречат фактам. Их надлежит расценивать только как стремление приукрасить прошлое, проявления своего рода «комплекса неполноценности», основанного на плохом знании документов, материалов раскопок и научной литературы.

«Среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли рай(н?)ской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святовиту» (Гельмольд, 1963).

О лютичах и Ретринском храме бога Радегаста: «II. 24. Для тщательной заботы о святилище местными жителями назначены особые служители. Когда они собираются там, чтобы принести жертву идолам или смягчить их гнев, те сидят, тогда как остальные стоят рядом; тайно перешептываясь друг с другом, они с трепетом копают землю и, бросив жребий, узнают истину в делах, вызывающих сомнение.

...25. (18.) Сколько округов в тех краях, столько там и храмов, в каждом из которых почитается неверными идол того или иного демона. Причём

вышеупомянутый город занимает среди них особое положение. Отправляясь на войну, они прощаются с ним, а с успехом вернувшись, чтят его положенными дарами; путём жребия и коня, как я уже говорил, они старательно выясняют, что служители должны принести в жертву богам. Особо сильный гнев их смягчается кровью животных и людей...» (Титмар Мерзебургский, 1018).

Однако представление о ценности человеческой жизни на протяжении последних веков претерпело изменения, что не могло не отразиться на оценке меры необходимости подобного рода **Ж.** Сходным образом обстоит дело и в тех странах, где языческие верования долго сохранялись на общенациональном уровне.

«...У литовцев, пока они пребывали во тьме язычества, существовало унаследованное от предков священное празднество и обычай: в начале октября месяца, после сбора урожая, отправляться с женами, детьми и домочадцами в леса, почитавшиеся священными, и приносить в течение трех дней отчим богам быков, баранов и прочих животных в жертву и полное сожжение; а после жертвоприношений и священнодействий проводить эти три дня в празднествах, играх и плясках, предаваясь пиршествам и пьянству; и это празднество было главным и важнейшим, от которого никому нельзя было уклониться.

Также, возвратясь из вражеских земель с победой или с добычей, они воздвигали из груды дров

костёр, на сооружение которого каждый кидал по полону; в огне этом сжигали самого красивого и знатного пленника, полагая, что такого рода нечестивым сожжением они более всего угождают своим богам и умиляют их. Нам неясно, однако, унаследовали ли они этот обычай от предков или сами измыслили обряд, так как язычеству вообще свойственно в своем ослеплении возрастать в своих заблуждениях» (Длугош, 2003).

Не менее распространены были и бескровные **Ж.** – зерно, пища, питьё, ткани и другие «обетные» (обещанные) предметы. Можно признать, что большая их часть должна быть либо изготовлена теми, кто её приносит, либо приготовлена с их участием. «Покупные» **Ж.** отнюдь не так сильны, как дарование **Богам** того, во что вложен личный труд дарителя, а не обезличенные деньги.

Сегодня целью **Ж.**, как и в далёком прошлом, должно оставаться обеспечение хороших взаимоотношений между человеком и **Богам** или **Предками**, обновление и упрочнение мироздания, восстановление первоначального единства человека и мира. Однако единственно приемлемой человеческой **Ж.** ныне можно считать гибель при защите свободы и независимости своей страны или необходимости сохранения жизни своих близких.

Заговѣр –

один из древнейших видов дошедших до нас священных текстов, известный всем славянам (и не только). Появление **З.** связано в первую очередь с представлением о волшебной силе *Слова*, правильного, могущественного (заветного, вещего) и произнесённого в нужном месте в нужное время.

Способность к **речи** издревле рассматривалась как чудесный и благодный дар **Богов. З.**, а вместе с ними и другие обрядовые тексты, можно с некоторым допущением рассматривать как особую речь, когда человек говорит не простыми словами, но на *первозыке*, используя *первообразы* (ср. с т. наз. «птичьим языком» поздних мистических традиций).

Произносящий **З.** оказывается в не просто в особом пространстве и времени – «у начала времён в нулевой точке». Не случайно наиболее древние **З.** содержат сходные описания этого *особого места*. Не обязательно прямо говорить, что имярек находится там-то и там-то. Достаточно утверждать некие вещи, описывая условное место-символ как действительно существующее, а желаемое действие как несомненно происходящее.

З. предусматривает и некую ответственность произносящего (читай: делающего – «слово = дело»), а потому называется также «*зарок*».

Можно предположить, что некоторые **З.** есть части обрядовых обращений к **Богам**, которые некогда произносили люди на капищах – во время **праздников** или при иных обстоятельствах, то есть их можно рассматривать как вид языческих молитв, обращений к Богам.

Сегодня **З.** нередко путают с **заговором** в значении «сговор». Исторически они отличаются ударением и, естественно, смыслом.

Земля, Мать Сыра Земля –

одна из основных стихий Мироздания наряду с **Огнём, Водой, Воздухом** и **Камнем** (вар.: **Льдом**).

Если **Вода** мыслилась как колыбель жизни, то **З.** в традиционном представлении славян предстаёт в качестве всеобщего источника Жизни, силы для всего живого: «Гой еси сырая, Земля матёрая! Матерь нам еси родная, всех еси нас породила» (Нижегородский заговор). Сохранились представления о **З.** как о супруге **Неба**, хотя нельзя не обратить внимание на то, что некогда **З.**, видимо, рассматривалась как мужское начало, а **Небо** как женское (надо полагать, это отголоски матриархальной традиции). **З.** в образе материнского начала подразумевает её отождествление с родной матерью.

К **З.** относились с особым почтением. В некоторых областях России люди считали себя виновными уже в том, что позволяют себе ранить и царапать её сохой и бороной и каялись в том в особые дни. **З.** нельзя бить и как-то иначе обижать.

«В августе рачительные домоводцы из наших поселян находят нужным заклинать жнивы. Это, говорят они, будто нужно для того, чтобы нечистая сила не поселилась на жнивах и не выжила с

пажитей скот. Для сего они, раннею зарею, выходят на жнивы с маслом конопляным. Обращаясь на восток, говорят: “Мать сыра-земля! уйми ты всяку гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела”. Проговоривши, выливают на землю масло. Потом, обращаясь на запад, говорят: “Мать сыра-земля! поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую”. После сего выливают масло на землю. Обращаясь на юг, говорят: “Мать сыра-земля! утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью”. И здесь опять выливается масло. Обращаясь на запад, говорят: “Мать сыра-земля! уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи морозы со метелями”. Здесь бросают сткляницу на землю. Есть люди, которые уверяют вас, что такое дело необходимо должно исполнять всякое лето. Многие из робости не решаются на такой подвиг, несмотря на свое непреодолимое желание» (И. П. Сахаров, 1841).

В любом случае деятельно-трепетное отношение к **З.** присуще не только земледельцам, но всем людям традиционного общества, что вполне понятно, ибо **З.** не только кормит, а и рождает всё, что ни есть на ней.

Первоэлемент **З.** может быть традиционно описан как центр, ибо служит точкой отсчёта для человека и освоенного им пространства. В этом смысле как знак **З.** может отчасти рассматриваться и **алатырь-камень**. **З.** – стихийное нача-

ло, но она не воспринимается в качестве просто «опоры», ибо обладает способностью к порождению. В ряде случаев **З.** может стать «проклятой», «гиблой», лишиться изначальной святости.

Таких мест избегали. **З.** приобретает подобные качества в случае совершения в данной точке несправедного деяния – предательства, убийства, нарушения клятвы. Заметим, что **З.** с **могилы** не является однозначно опасной и может быть использована как в благих целях, так и для причинения вреда.

Клятва **З.** отсылает нас к древнейшей языческой присяге – **ротé**, возможно, приносившейся подобно тому, как в позднее время поступали при межевых спорах: человек клал себе на голову кусок **З.** или дёрна и шёл с ним по меже. Проложенная таким образом граница считалась неприкосновенной. Считалось, что если кто-нибудь после этого решится на обман, то **З.** начнёт на него давить со страшной силой. Согласно славянской вставке в «Слово» Григория Богослова (XI в.), этот обычай явно дохристианский.

З. издревле и сегодня считается противоположностью Небу, представая как Срединный (иногда Нижний) мир, тогда как Небо – как мир Верхний.

Имя –

личное название/самоназвание существительных, одушевлённых и неодушевлённых. Само слово восходит к древнейшему, ещё дославянскому языковому пласту. По исходному мировоззрению **И.** отражает саму сущность называемых вещей. До настоящего времени дошли распространённые не только в фантастической литературе или в среде оккультистов, но и в быту представления о том, что назвать *настоящее И.* значит получить власть над называемым. Они восходят к убеждённости в божественном происхождении самой **речи** (*языка*).

Называние и приспособление под использование всё новых предметов в глазах **человека** древнего общества означали присвоение этих предметов себе, а в символическом смысле означали «сотворение» этих вещей. Иначе говоря, одновременно как бы творится знак (например, **И.**) и сама вещь. То есть первые мировоззренческие представления были связаны с творением и сотворением путём нареkania.

И. человека призвано оберегать его, отображать личные качества, в нём должна присутствовать глубинная преемственность между **предками** и потомками, духовные обязательства последних.

«Последовательность, с которой используются имена предков по мужской и женской линии, несомненно, имеет определенную систему... Наиболее ясным представляется порядок, по которому имена предков по мужской линии получают первый, третий, пятый и т. д. сыновья, а по женской – второй, четвертый и т. д.» (Ю. В. Франчук). Таким образом, в обычае имянаречений отчётливо прослеживается почти забытая ныне последовательность «чёт–нечёт – женское–мужское».

Человек примерно до первого пострижения волос, то есть до семи лет (местами до года или трёх) не обладал **И.**, только детское прозвище обережного свойства – например, обманное, для устрашения злых духов (Мара, Вук). После **обряда** ему давали новое **И.**, зачастую постоянное. **И.** могли менять при достижении совершеннолетия, при вступлении в воинский возраст, переходе к новому роду занятий (особенно в духовное сословие), выздоровлении от тяжёлой болезни, местами – при вступлении в брак (особенно неоднократном).

И. – «Слово Силы», поэтому с ним обращались весьма осторожно. Нельзя было нарекать ребёнка **И.** ныне живущих в доме (членов **рода**), только уже ушедших в Ирий дедов. **И.** может определять судьбу, отсюда стремление избежать повторять те из них, носители которых жили несчастливо или ушли из жизни недостойно.

Известно о бытовании тайных **И.** (прозвищ), восходящих, надо полагать, к объединениям людей по родам деятельности. **И.** и прозвища внешне мало отличаются, в прошлом те и другие называли *наречениями* (т. е. тем, что «положено на речь»). Наличие того и/или другого служило признаком **своего**, в отличие от **чужого**. Имя неразрывно связано с носителем, представляя как бы его часть.

В обычае было сословное разделение **И.** С этой точки зрения представляется несколько странным стремление многих нынешних язычников принимать на себя или давать детям **И.** сугубо волховского или княжеского сословия, не имея на то оснований ни по роду занятий, ни по образу жизни и мыслей, ни по происхождению, наконец.

Камень –

наряду с **Огнём, Водой, Воздухом** и **Землёй**, одна из символических стихийных основ Мироздания. Это так называемая «пятая стихия», вопреки распространённым суждениям присутствовавшая в мировоззрении славян и, видимо, индоевропейцев вообще с древнейших времён. В Западной Европе место **К.** иногда занимает лёд (Pennick, 1989).

К. обычно толкуется как символ мёртвой природы. Однако, поскольку языческое мировоззрение не принимает смерть в современном смысле слова (то есть как прекращение жизнедеятельности организма, его гибель), не считает её окончательным прекращением бытия, то в **К.** обычно видят некогда живые, подвижные объекты, по каким-либо причинам переставшие расти, двигаться и размножаться, но сохраняющие некие признаки живых организмов.

Как космическое явление **К.** рассматривается в качестве опоры, основания Мира или Мировой оси (ср.: **алатырь-камень, Мировая гора, Мировое древо**).

Одновременно **К.** может выступать заместителем **человека** для избавления последнего от опасности, болезни, в качестве **оберега** и т. п.

Видимо, память об использовании **К.** в качестве орудий обусловила использование в целительстве и похоронной обрядности изделий из **К.** и собственно **К.**

Особо следует отметить обычай почитания **К.** как священных объектов. В первую очередь это относится к так называемым *следовикам* (имеющим на поверхности отпечатки, природные и рукотворные) и т. п. примечательным **К.** В этом смысле можно различать **К.** мужские, женские и т. п. Таким **К.** приписывают различные удивительные свойства, часть которых подтверждается летописными свидетельствами (Синь-камень на Плещеевом озере).

Возможно, такое почитание не связано с **К.** как со стихией напрямую, но сущностная связь, несомненно, имеется.

Капище, капъ –

ст.-слав. «*капиште*», «*капицте*», место (вместилище) рядом с языческим идолом и изображением (и вокруг него), а также собственно это изображение. Священное сооружение, служащее местом поклонения **Богам** и **предкам**, отправления **обрядов**.

По своему происхождению и смыслу слово **К.** связано со словами, имеющими значение «образ, картина», что укрепляет представление о том, что **К.** есть подобие Мироздания в целом или только Верхнего/Нижнего мира – в зависимости от условий и целей его сооружения. **К.** и возводили так, чтобы они воспроизводили священное пространство, особенности их устройства использовали для расчёта дат праздников, солнцестояний, равноденствий и даже затмений (Русская Традиция, 2006).

Однако нельзя исключить и сродство слова **К.** с русским «*кап*» (нарост на дереве, чаще округло-сферических очертаний), англ. *cup*, нем. *caput* («голова»), восходящим к общему латинскому корню, и т. п. Это наводит на мысль о сходстве облика **К.** и его роли управителя **пространством** с представлениями о Вселенной, о «головной точке» кого-то, кто над нею властвует.

К. – место скопления *Сил*, здесь встречаются «энергии» **Земли** и **Неба**, а также всех стихий Мироздания, безусловно священная точка, почитаемая и оберегаемая. Это место, где **Мировое древо** входит в плоскость **Земли** и уходит в Нижний мир.

В широком смысле **К.** можно считать и место захоронения усопших родственников, однако более правильно в данном случае говорить о том, что и **могила**, и **К.** являются частными случаями таковых, ибо непременно подразумевают каким-либо образом оборудованное место. Не стоит путать **К.** с храмом – сооружением (зданием).

Обустройство капищ достаточно однотипно у большинства индоевропейцев (Русанова, 2002; Русанова, Тимошук, 2007) и не только у них. Надо думать, оно восходит к древнейшим образцам, ко временам, когда наши далёкие предки только-только пытались осмысливать окружающую действительность.

Крѣда –

старославянское слово, обозначающее как костёр или огонь в широком смысле, так и жертвенник, а в первую очередь – *жертвенный костёр*.

И. И. Срезневский, со ссылкой на свидетельства средневековых поучений против язычества, считает, что **К.** – это огонь, костёр, а также и собственно костёр (по преимуществу жертвенный), на который возлагали **К.-жертвы**.

У славян богом жертвенных мест и огня на них, вероятно, был отец Сварога – *Крът (Кродо)*. Обращает внимание на сходство имени бога со словом «**К.**», т. е. подношение, принесённое на огонь. Этот дед Радегаста-Сварожича, согласно «*Mater Verborum*» – «*Radihost vnuk Krtoŭ*», также отождествлялся с Сатурном. Вероятно, **К. предкам** и есть то, за чем следит сей древний **Бог**. Не исключено, что в его ведении находятся и погребальные костры.

Арабский автор Ибн Русте в труде «ал-А'лак ан-нафиса» сообщает такую деталь при описании обряда самоубийства (сати) славянских жён земли Ва.ат (вероятно, вятичей): «Все они поклоняются огню». Т. е. вполне можно допустить, что Огнь-Сварожич или некий **Крът** следят за погребением на костре.

Надо думать, некогда любой **огонь** почитался священным, будь то священное пламя на **капище** или огонь для приготовления пищи, пылающий в очаге, однако постепенно понятие **К.** стало обозначать сугубо костёр жертвенный либо погребальный, сложенный колодой (колодцем, ибо такое – без вершины – построение позволяет класть на огонь требы и **жертвы** в отличие от костра, сложенного пирамидой). По крайней мере, в настоящее время оно употребляется именно в этом значении.

КРОВЪ

(др.-русск. *руда*) – средоточие жизни. В ней содержится жизненная сила, а по некоторым представлениям, и **душа**. **К.** связана с умножением, порождением и т. п., а также с понятиями **рода** и родства. Красный (рудый) цвет **К.** делает очевидной её связь с Верхним миром, знаковым цветом которого был красный (в отличие от чёрного Нижнего и белого Срединного миров).

К. широко использовали в магических и обрядовых целях, вопреки утверждениям об обратном, широко распространяемым теми, кто мало знаком с историко-этнографическим материалом.

Известны такие понятия, как кровное родство, обладающее чрезвычайно высоким сакральным статусом, и довольно долго сохранявшийся у южных славян обычай кровной мести (когда **К.** убитого «кипит» или взывает к отмщению иным образом).

Принято считать, что, покидая дом и оставив в нём капельку **К.**, человек оставляет и частицу души. По состоянию этой капли можно узнать судьбу человека.

Жизненная сила, заключённая в **К.**, может вызывать к жизни волшебные растения.

У всех славянских народов бытовал обычай запрета на употребление **К.** в пищу, за исключением ритуальных случаев (например, питьё первой **К.** при забое скота).

К. жертвенных животных служила средством магической защиты. Ею обрызгивали стены дома, успокаивали или изгоняли нечистую силу.

Сегодня представления о символике **К.** существенным образом не изменились, хотя ей уже не придаётся такое большое значение, как в прошлом. Однако неизменными остались мнение о том, что **К.** служит вместилищем жизненной силы, и использование образа **К.** в **заговорах** и других обрядовых текстах.

Курган –

др.-русс. *коурганъ* («могильный холм»), *могила* (то же, связанное происхождением со слав. *тогъ*, т. е. «господствующее место»). Сегодня мы называем так могильные насыпи, которые встречаются в различных местах Евразии (и не только). Значение слова не изменилось с глубокой древности, несколько иным стало только смысловое наполнение самого явления.

В письменных источниках слово «**К.**» встречается с XV в. (Переяславская лет.). Вероятно заимствование из др.-тюрк. *kurġan* «крепость», а вот *могила* – общеславянское слово индоевропейского происхождения.

По древним языческим мировоззрениям **К.** есть не только места упокоения праха **предков**, но и святилища (что правильно). Надо полагать, **К.** средней полосы, подобно новгородским и псковским длинным курганным насыпям, могли служить в качестве родовых святилищ, на которые приходили для почитания памяти **предков** и общения с их душами. Память о подобном использовании **К.** сохранилась у всех восточных славян в виде обычаев посещать родительские могилки на Радуницу и в другие дни поминовения усопших, совершать на них языческие по сути обрядовые

действия, оставлять пищу и питьё для мёртвых. В Белоруссии до начала XX в. было принято ходить не только на могилы родственников, но и на древние **К.**, оставлять там яйца, сыр и т. п.

К. наделяют особыми свойствами, опять же белорусы называют их *Валатоўкі* (от Волоты – легендарные великаны), Капцы (от капища?), *Балваны* (от «болваны» = идолы, **чуры**). С **К.** связано множество легенд, поверий и преданий, преимущественно о спрятанных сокровищах и чудесных явлениях (например, о съезжающем в урочный час с вершины всаднике на белом коне или сбегающем белом быке).

Не исключено, что эти представления восходят к древнему видению **К.** как «мест Силы», что весьма оправдано, если принять как данность расположение древних могильников в так называемых «особых точках» земной поверхности. **К.** группы и отдельные насыпи воздвигали с тем расчётом, чтобы души захороненных в них предков или героев оберегали и защищали живущих ныне людей. Сама **К.** насыпь может быть рассмотрена как образ видимой Вселенной, в центре которой некогда мог находиться жертвенник (**алатырь**), а видимый край опоясан курганным ровиком – **границей**. Тогда оставившийся у насыпей в средней полосе России перешеек уподобляем Калинову мосту, мосту через реку Почайну (Смородину) и т. п. Совокупность **К.** или могил (могильник, кладбище) также издревле рассмат-

ривается как особое пространство, отчасти не принадлежащее **этому миру**. Случайны ли многочисленные сведения о наказаниях, которые обрушиваются на тех, кто несправедливо побеспокоил прах усопших? Сегодня они зачастую находят своё подтверждение в повседневности (Русская Традиция, 2006).

Нельзя не признать, что ныне многие лишь изредка блюдут только внешнюю почитательность по отношению к **К.**, не имея представления о том, с чем имеют дело и как надлежало бы обращаться с ними. Свидетельством тому, увы, известия о ряде сторонников природной веры, позволяющих себе участвовать в незаконных грабительских раскопках на **К.** могильниках.

Такое отношение к древним памятникам, под которыми (отнюдь не исключено) лежат останки *именно наших* прямых предков, следует считать преступным. Это преступление *не только* перед законом государственным (по сути, преходящим), но и перед заветами и установлениями **Богов** – то есть тех же **Предков**. Так же следует расценивать и любые иные формы проявления неуважения к могилам – вне зависимости от времени их появления.

Лад –

одно из важнейших понятий языческого видения мира. Не будет преувеличением сказать, что достижение **Л.** есть личная цель язычника в этой жизни. **Л.**, или языческая гармония, – такое состояние, когда отсутствуют неразрешимые противоречия как в **душе** человека, так между **человеком** и окружающим его миром.

Л. есть порядок, согласие. Отсюда слова «ладить, лажу», укр. «ладити», чеш. «laditi», польск. «ładzić»; также «ладный» (укр. «ладний», чеш. «ladný», польск. «ładny» – «миловидный, красивый»). Таким образом, **Л.** действительно можно рассматривать не просто как гармонию, а как гармонию внутреннего и внешнего, личного и общественного. Несложно предположить, что человек, достигший состояния **Л.** в жизни, достойно образом перейдёт за грань и там его удел будет также достойным.

Возможно, **Л.** воплощало особое божество – *Ладъ* (Ладо). Так, в «Синописе» украинского писателя Инокентия Гизеля (1670-е гг.) имеется свидетельство, что славяне Ладо почитали как: «Бога веселія и всякаго благополученія, жертвы ему приношаху, готовящися къ браку помощію. Лада мняше себѣ добро веселіе и любезно

житиѣ стяжати. Сія же мерзость от древнѣйших идолослужителей произыде...» То есть Ладо – древний бог, по мнению автора текста.

Литовский народный обычай в сходных случаях использует понятие *дарна*. Его можно сравнить как с русским **Л.**, так и с китайским *Дао* (в понимании пути).

Достижение **Л.** есть следствие мыслительного и духовного постижения язычником законов бытия Вселенной и своего места в ней. **Л.** приходит тогда, когда язычник осознаёт себя в круговращении Природы и научается деятельно следовать её законам – от часа рождения до таинственного мига смерти.

Именно благодаря представлению о **Л. язычество** сегодня есть мировоззрение, направленное на самосовершенствование личности. В современных условиях язычество способно дать целенаправленному и трудолюбивому человеку:

– физическое и нравственное здоровье, умение жить в гармонии с законами Природы, не насиловать её: язычество экологично, это экология и Природы, и сознания;

– свободу выбора пути духовного развития;

– власть над своим организмом и своим разумом;

– способность творчески взаимодействовать с Силами Природы и Мира.

Лес –

одновременно и один из основных видов Дикого мира, и совокупное воплощение **Мирового древа**, и образ Иного Света, противопоставляемый той части Мироздания, которая обжита и освоена **человеком**.

Наиболее вероятной считают связь слова «Л.» с лит. *laiškas* «лист (дерева)». На это указывает первоначальный смысл славянского слова *lěszъ*, лучше сохранённый у западных славян (ср. др.-чеш. *les*, *lesy* (мн.) «листва, побеги») (Фасмер).

Если в упорядоченной части Мира дерево служило пространственным и временным образом Мироздания, то **Л.** – множество деревьев, воплощение природной, изначальной среды – не может восприниматься как освоенное людьми пространство. **Л.** таит опасность. В нём обитают существа с разными свойствами, преимущественно хтонические и, следовательно, способные причинить вред.

Свойствами **Л.** как волшебной сущности считаются удалённость, непроходимость, необъятность, дикость, населённость *иными*, отличными от **человека**, созданиями, зверями, гадами и птицами, рассматриваемыми нередко как перешедшие в мир иной **предки** и тотемы **рода**.

Властителем и хозяином **Л.** и Дикого мира в представлениях восточнославянского **язычества** является «скотий бог», он же хозяин **Того Света** – Велес.

Также **Л.** является местом проведения части календарных **обрядов**, преимущественно весенне-летнего цикла (третья закличка весны, Красная горка, Семик, Купала, украшение или источник обрядовых деревьев). Здесь же совершают **обряды**, относимые к тайным, в первую очередь посвященные. Это находит и интересные объяснения в современной психологии, которая рассматривает **Л.** как один из символов *человеческого бессознательного*.

В то же время **Л.** как часть **годового кола праздников** подчиняется тем же законам, правилам и ограничениям, которые действуют в мире упорядоченном. Он засыпает, пробуждается, расцветает и вновь засыпает. Именины **Л.** обычно принято праздновать в Семик (конец мая – середина июня).

Межа

(*граница, грань*) – важная часть **пространства**, разделитель между «своим» и «чужим» миром. В силу этого слово **М.**, восходящее к корням со значением «средний, расположенный посередине», означает промежуточное состояние. **М.** – ни там, ни здесь или и там, и здесь. Родственное ныне по смысловому наполнению «граница» восходит к словам со значением «острие, шип» и, возможно, связано с лезвием – в том числе и тем, которым проводят границу.

Установление **М.** (прокладку *границы*) часто совершали путём особого ритуала, в том числе принося **роту́**. Нарушение **М.** почиталось очень большим проступком, межевые знаки считались неприкосновенными. Как пребывающая одновременно в двух мирах, **М.** служила местом клятв и совершения волшебных действий (добычи живого огня, вызова дождя и т. п.). Она была способна выступать в качестве **оберега**, защищающего от опасности с *той стороны*.

Сходные представления известны и о временной границе – как в пределах суток, так и в течение года. Как опасное **время** воспринимали полночь, полдень, зарю утреннюю и вечернюю, межсезонье (см. **время, праздник**).

В качестве **М.** выступают ограды, рвы, естественные водные преграды. Реки выступают как символические границы между миром живых и миром мёртвых (см. **Вода**). Отдельным видом *границы* по правилу подобия выступает магический (обережный) круг.

В настоящее время смысл понятия *границы* сохраняется примерно таким же, хотя и в других областях жизни (*граница* дозволенного, *граница* между государствами).

Мирская гора –

одно из основных понятий индоевропейской мифологии. Воображаемый центр мироздания или обиталище высших **Богов** (главного Бога) (например, у греков – гора Олимп).

Для понимания смысла **М. г.** важно, что слово «гора» связано с сербохорв. *gòra*, словен. *góra*, чеш. *hora*, польск. *góra*, в.-луж. *hora*, н.-луж. *góra* и родственно др.-прусск. *garian* «дерево», лит. *giria*, диал. *girl* «лес», др.-инд. *gin`ś* «гора», авест. *gain-*, ср.-перс. *gar, gir*, возм., также греч. гомер. *βορέης*, атт. «северный ветер», алб. *gur* «камень» (Фасмер).

Одним из эпитетов высшего бога древних арьев Рудры-Шивы был «Хранитель гор» (Ниларудра Упанишада, 5). Чертоги Шивы находились на горе Меру – **М. г.** ведийской мифологии. Ещё один из его эпитетов – «Владыка гор». Одетый в звериные шкуры, он жил отдельно ото всех прочих богов на севере, в Гималаях.

У балтов также существовала воображаемая «**М. г.**», или «крутая каменная гора», на которую, по их представлениям, предстояло взбираться мёртвым (М. Гимбутас). На этой горе навев ждёт Единый бог Диевас, который судит их по прижизненным делам:

«О великом князе Скимонте (1250–1270). ...И коли которого великого князя литовского албо пана сожжено тело, тогда при них кладывали когти рыси або медвежи для того, иж веру тую мели, иж судный день мел быти, и так знаменали себе, иж бы бог мел приити и седети на горе высокои и судити живым и мертвым, на которую будет гору трудно взыити без тых ногтеи рысих або медвежих, и для того тыи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти и на суд до бога ити. А так, ачколвек поганьи были, а вжиж потом себе знаменали и в бога одного вериля, иж судный день мел быти, и верили з мертвых востаню и одного бога, которьи мает судити живым и мертвым» (Румянцевский Летописец, Літопис Археологічного Товариства).

«Умершим нужно было иметь крепкие ногти на руках или карабкаться с помощью когтей животных. На этой “крутой горе” проживает *Dievas* и собираются умершие...» (М. Гимбутас).

Подобные воззрения есть и у скандинавов – это чертоги Гимле и Синдри: «И все люди достойные и праведные будут жить с Ним (Всеотцом, т.е. Одним) в месте, что зовётся Гимле или Вингольв. А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифльхель»; «Есть среди обилищ много хороших и много дурных. Лучше всего жить в Гимле, на небесах. Добрые напитки достанутся и тем, кто вкушает блаженство в чертоге по прозванию Бримир. Он стоит на Окольнире. Прекрасный чер-

тог стоит и на горах Ущербной Луны, он сделан из красного золота, и зовут его Синдри. В этом чертоге будут жить хорошие, праведные люди» (Младшая Эдда).

Как точка отсчёта и начала всего **М. г.** может быть сопоставлена с **Мировым деревом** (и даже расценена как его полное символическое подобие) и с **алатырь-камнем**. Все эти понятия выражают собою идею оси, центра, вокруг которого, собственно говоря, и вращается мир. Их астрономическим проявлением в настоящее время можно считать Полярную звезду и земную ось.

МИРОВОЕ ДРЕВО –

«древо жизни, космическая ось, опора мира, престол правосудия и Судьбы, начало и конец “Всего”, прибежище душ в процессе становления и всех тварей мультиверсума» (А. д`Апремон, 1998). В индоевропейской Традиции (как и в традициях большинства народов мира) **М. д.** или **Мировая гора** считаются стержнем, которым соединены между собою миры. Это образное представление опоры, которая поддерживает извечный порядок, и само существование Вселенной непосредственным образом связано с её устойчивостью.

В символическом смысле **М. д.** описывает противостояние сознательного и бессознательного, света и тьмы и т. п. Особенностью этого образа можно считать способность включать в себя взаимоисключающие противоположности. В мифологиях индоевропейцев, в том числе восточных славян, образ **М. д.** проработан достаточно подробно. Он присутствует в загадках, заговорах, сказках и обрядовых песнях.

Как **М. д.** дуб выступает у славян и русских в одной из старинных рукописей:

«Вопрос: Скажи мне, что держит землю? Ответ: Вода высока. – Да что держит камень? – Че-

тыре золотые кита. – Да что держит золотых китов? – Река огненная. – Да что держит тот огонь? – ...Дуб железный, еже есть первопосажен от всего же, корение на силе божьей стоит» (Щапов, 1906).

Чаще всего **М. д.** славян называлось просто «древо» и отражало принцип связи между мирами. Указания на **М. д.** имеются в Слове о полку Игореве:

«Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию *по древу*, серым волком по земли, шизым орлом под облакы...

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа полкы ушечотал, скача, славию, по *мыслену древу* [выделено нами. – Авт.], летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы!

...Збися Див, кличет верху *древа* – велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьский болван!»

М. д. включает в себя не только пространственные (связь **Неба** и **Земли**), но и временные координаты: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда» (русская загадка). Кроме того, известны тексты, в которых мостом, **дорогой**, по которой в **праздники** приходят к людям **души** усопших **предков** и **Боги**, служит *древо*.

С образом **М. д.** тесно связана символика столпа (матицы) в избе, а также птичьего гнезда (в

кроне дерева), змея и источника (у корней дерева). Воплощением **М. д.** можно считать все вертикально поставленные **чуры** и записы (священные столбы с вытесанными знаками), рождественское полено (*бадняк*), ритуальные печенья в форме лесенки (и сама лестница как путь в **Небо**) и т. п.

Принято соотносить **М. д.** и с **человеком**, в том числе с человеческой жизнью (Древо Жизни). В антропоморфной Вселенной **М. д.** уподоблен позвоночник – как ось и основа, поддерживающая тело в вертикальном положении, а крона – голове и душе (бел.).

«Слово о полку Игореве» позволяет сопоставить **М. д.** восточных славян с его шаманскими аналогами: Боян вещей скачет «мысью по мыслену древу». Если правы те, кто видит в «мыси» не мышшь, но белку, то перед нами образ – связующее звено между шаманскими путешествиями уралосибирских народов и скандинавской мифологией (согласно Старшей Эдде, белка Рататоск снуёт вверх-вниз, перенося известия от корней к вершине Иггдрасиля и обратно).

Иггдрасилем, «скакуном Игга», т. е. Одина, называли **М. д.** (тис или ясень) северные германцы: «В ветвях Иггдрасиля живёт орёл, обладающий великой мудростью. А меж глаз у него сидит ястреб Ведрфельнир. Белка по имени Грызозуб снуёт вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орёл и дракон Нидхётг» (Младшая Эдда).

Интересны северорусские указания на то, что **М. д.** растёт корнями вверх. Это же представление известно и у других народов Европы. Таким образом, **М. д.** – Вселенная как бы замыкается на саму себя, воплощая древнейшую идею: «То, что вверху, как то, что внизу».

Белорусы сохранили память о «стоярусовом древе», которое выросло на лесных перекрёстках и могло обращаться в человека, они же говорят о «блудных» деревьях.

Вопреки распространённому представлению, в качестве **М. д.** могли представлять деревья разных пород – при том, что наиболее почитаемым воплощением **М. д.** принято называть дуб, который, помимо прочего, за долголетие считается символом вечной жизни, его видели в яблоне, берёзе, сосне, липе. Отнюдь не исключено, что каждая порода может быть сопоставлена с тем или иным восточнославянским Божеством. Так, вечнозелёные деревья уверенно связывают с культом мёртвых и зимним солнцеворотом, в белорусских источниках XVII в. упоминается поклонная «Марына сасна» (Витебская губ.), весенне-летние празднества тесно связаны с берёзой и т. д.

Воплощение **М. д.** непременно должно присутствовать в каждом населённом пункте, жилище или священном пространстве капища. Без него или без его подобия – воплощения **Мировой горы** – бессмысленно говорить о том, что место правильно организовано.

Астрономическим проявлением М. д. считаются земная ось и, особенно, Млечный путь, «энергетическим», или «геомантическим», – особые места (места Силы) и силовые линии – связи между ними (ствол и ветви) М. д.

НАВЪ –

мир «не явленный», невидимый, «не-явь»; часто – «мир мёртвых» или собственно сам мертвец (Срезневский) от навье (навие) – «мертвец».

Само слово имеет общеиндоевропейский корень, знакомый многим по таким словам, как «навигация» (лат. *navis* – море), а также по одному из вариантов именованя руны *Need/Nautiz* (нужда).

Упомянуты в древнерусских летописях (1089 г. – приход митрополита Иоанна, про которого говорили «се навье пришёл», в 1092, когда «невидимые, но слышимые духи ранили многих людей в Полоцке» – «яко навье бьють полочаны») и в церковных поучениях «О посте к невежам в понедельник второй недели», редакциях «Слова о том, како первое погани суще языци кланялися идолом», а также в других древнерусских памятниках (в частности, в «Повести о Петре и Февронии»).

Написание слова «Н.» и его производных разнообразно: *навье, на яве, навы* и т. д., что может косвенно свидетельствовать о неоднозначности понятия. А. Н. Афанасьев обратил внимание на верования славян (малорусов) в «блаженную страну навов» далеко за морем, куда под Навьский великдень пускают по течению воды скорлупки

крашенных яиц, чтобы рассказать навам о весеннем обновлении природы и Христовом воскресении. Он пришёл к выводу, что *навы* есть славянское обозначение душ умерших, ушедших в иной светлый мир. Другая точка зрения (Волошина, Астапов): *навы* – враждебные души умерших, души чужеплеменников, позднее иноверцев. Иначе говоря – «не своих». Такие *навы* имели вид безобразных крикливых птиц.

«...Темъ же богомъ требу кладуть и творять и словеньскыи языкъ: виламъ, и Мокошьи, диве, Перуну, Хърсу, роду и рожаницы, упиремъ и берегынямъ, и переплуту, и верьтячеся пють ему въ розехъ, и огневи сварожицю молятся, и *навъмь* мовь творять, и въ тесте мосты делаютъ, и колодязе, и ина многая же утехъ, фалликады (фаллюсы) и въ образ отворены и кланяются им и требы им кладут» («Слово св. Григория...» по рукописи Софийского Новгородского собора).

По другому списку: «Человечи... приступиша к идоломъ и начаша жрети молнии и грому, и солнцю, и луне, а друзии Перену, Хоурсу, Виламъ и Мокоши, Упирем и Берегыням, их же нарицают тридевят сестериниць, а инии в Сварожитца веруют и в Артемиду, им же невеличи молятся и куры им режутъ. ...*Навъмь* мовь творят, и попел посреде сыплють и проповедающе мясо и молоко, и яйца и вся потребная бесом... А друзии веруютъ в Стрибога, Дажьбога и Переплута, иже вертячеся ему пють в розех» (А. Фаминцын).

Возможно, первоначально под *навьями* или *навами* понимали души людей (в т. ч. и предков), находящихся в потустороннем мире вообще, однако под воздействием христианства это понятие приобрело сугубо отрицательный оттенок.

По отношению к хозяину Вальхаллы, потустороннего мира древних германцев, богу Одину – Вальфэдру, то есть «отцу павших, властителю мёртвых», признанный специалист О. Смирницкая использовала перевод «**Н.**-бог».

В современном понимании язычника **Н.** не только неявленный, потусторонний мир. Это Сила Непознанного и Бессознательного; это изначально присущее явному миру стремление перейти в неявный, т. е. в неразличимый, мир фантазии и идеи, скрыть до поры до времени то, что пока, по замыслу Единого, не должно быть раскрыто. Это желание Вселенной сохраниться «как есть» и одновременно стремление Вселенной и **человека** взаимно познать друг друга за счёт самопогружения. Это все процессы сохранения, в том числе память. Это тяга к прошлому, но в то же время и процесс подготовки мёртвой материи к новому рождению и обращение живой материи в мёртвую, ибо смерть всегда сменяется рождением. Это все Силы, умиротворяющие природу. Взаимодействие с **Н.** всегда есть проверка на Силу, проверка обоснованности претензий на что-то сверх обычного. **Н.** – стихия бога-трикстера, получение Силы через разрушение и поиск Силы внутри себя.

НЕБО –

образ Верхнего мира. Сейчас – всё видимое над Землёй пространство. В прошлом имело смысл «обитель богов».

Слово общеславянского происхождения (слвц. *nebo*, польск. *niebo*, в.-луж., н.-луж. *njebjo*; балто-слав. основа на *-es*, родственно лит. *debesis* «облако»; др.-инд. *nábhā* ср. р. «туман, пар, небо», авест. *nabah-* ср. р. «воздушное пространство, небо», греч. *νέφος*, хетт. *nepiš* (облако); греч. *νεφέλη* «облако», лат. *nebula*, др.-исл. *nifl* «темнота», *niól* «ночь», д.-в.-н. *nebul* «туман».

По представлениям восточных славян **Н.** может быть выковано из меди или иного металла, сделано из камня, иметь вид крышки или колпака, поставленных на **Землю**, представляемую в таком случае как противоположность **Н.**

Держится **Н.** на мировой оси (**Мировом древе**), вокруг которой и вращается.

Славянская мифология представляет **Н.** как сложное образование. Известны представления о семи **Н.**, о двух **Н.** В последнем случае одно, нижнее **Н.**, состоит из голубой материи облаков, а второе, верхнее, невидимое, оно содержит «горний» свет. Здесь свет представляется как нечто отдельное от своих источников – Солнца и других небесных светил.

Небесный мир в точности похож на земной либо зеркален по отношению к нему. К последнему представлению восходит общеевропейская вера в то, что с **Иным Миром** могут общаться люди, имеющие какие-либо увечья, а то, что сломано *здесь*, соединяется *там*. Отсюда древний обычай бить в ритуальных целях посуду во время **тризн** и поминовений.

На одном из **Н.** находятся Солнце, Луна, звёзды, другие небесные светила. События, происходящие на **Н.**, служат первоисточником и подобием земных событий (ср. **годовое коло**). Так, при рождении **человека** в **Н.** загорается звезда, которая в момент его смерти гаснет и падает. Там же, на **Н.**, обитают дождь, **ветер** и т. п.

Иногда считают, что на **Н.** же пребывают души усопших. В этом смысле оно тесно связано с Нижним миром. При этом священное **пространство** в языческих представлениях замыкается само на себя, имея в качестве опоры **Мировое древо** (ось). **Н.** досягаемо для смертного человека ещё при жизни, вот только путь туда проходит через множество испытаний.

Н. одушевлено, оно способно радоваться, огорчаться, помогать и карать людей. Считается, что в день летнего солнцестояния из года в год творится священный брак **Н.-отца** и **Земли-матери**, что и делает возможным продолжение жизни.

Язычество наделяет **Н.** высшим уровнем священности наряду с **Землёй** и другими стихиями. Однако само **Н.** не стихия, не первоначало, но, возможно, то, что их порождает.

ОБЕРЕГ –

как явствует из самого названия, **О.** называют предмет или вещь, призванную волшебным путём оберегать, охранять своего владельца, его родных, близких или какое-то имущество.

Восходит к ст.-слав. «заботиться», др.-серб. *бржем, бријећи* – «охранять». Родственно чеш. *brh* – «скирда сена; пещера; хижина» = **brgъ* и укр. *оборіг* – «кровля на четырёх столбах для сена», чеш. *brah* – «скирда сена», польск. *bróg* – «скирда, сарай для сена», гот. *baírgan* «скрывать», д.-в.-н. *bergan, borgên* «обезопасить себя»; вост.-лит. *birginti* «беречь» (Фасмер).

С древних времён люди видят в **О.**, образно говоря, представителей или воплощения (вместилища) благожелательных духов, сил и даже Божеств. Они способны воздействовать на мир и обстоятельства благодаря своим очертаниям, материалу, из которого изготовлены, нанесённому на них знаковому ряду или сопровождающим изготовление или использование обрядовым действиям. Собственно **О.** могут быть и сами обрядовые действия.

В эпоху собирательства и охоты **О.** становились в первую очередь части тела медведя (клыки, шкура и шерсть, ухо, а прежде всего – когти). **О.** были призваны сообщить охотнику Силу и

Дух хозяина Дикого мира – бурого зверя (тотема лесной полосы), а при встрече с другим медведем – помочь сойти за «своего».

Затем древние охотники стали применять это слово по отношению к любым предметам, предохраняющим, оберегающим от представителей Дикого мира, а также и Иного, потустороннего.

О. могут быть как общего свойства, так и целевые, то есть защищающие от той или иной опасности, «заданных» или определённых сил.

Действие **О.**, согласно дошедшим до нас представлениям, заключается в том, чтобы магическим путём «прикрыть» охраняемое, сделать его незримым, отогнать или нанести вред тому или чему, что таит в себе опасность, а также наделить охраняемое защитными свойствами или повысить его «сопротивляемость».

Возможны различные подходы к разделению **О.** на виды, но все они, в общем-то, вторичны относительно самой сути предмета: **О.** *защищает от беды*. Действенность **О.** зависит от степени искусности его изготовления и правильности образа мыслей и пользования.

О. могут быть как животного и естественного природного (камни) происхождения, так и рукотворными, когда на ткань, дерево, металл или кость наносят знаки (черты, резы, руны, **чиры**, алфавитные надписи).

Рукотворный знак в эпоху редкой грамотности почитался священным и имел мистическую

власть над сознанием пользователя **О.**, настраивая его сознание на встречу с опасностью, укрепляя его уверенность в себе. Словом, **О.** одновременно был средством тонкой настройки сознания владельца, служил ключом к срабатыванию защитных механизмов.

Первичным и, возможно, одним из наиболее древних **О.** является одежда (изначально – шкура зверя) – опять же начиная от материала (в т. ч. собственно нити) и заканчивая кроем и нанесёнными на одежду знаками, которые в традиционной одежде весьма многочисленны. Несомненно обережные задачи призваны решать многочисленные подвески, украшения, накладки и т. д. Надо полагать, что украшения изначально были всё-таки оберегами и лишь потом стали показателем общественного положения владельца и предметами роскоши.

Придавали обережные свойства и оружию, которое рассматривалось не только как средство самозащиты или нападения в мире явном, но служило тем же целям в мире неявном.

Особым видом **О.** являются тексты, в первую очередь, заговорные, а также обрядовые народные песни, загадки и брань (Славянские древности...).

Обряд –

установленные обычаем особые действия, сопровождающие важные моменты жизни **человека** и общества (**общины**). **О.** призван обозначить, отметить эти моменты, с одной стороны, и дать Мирозданию знак о том, что сей **человек** или совокупность людей таковые моменты пережили, прошли, с другой стороны.

Смысл всех без исключения дошедших из древности **О.**, равно как и современных реконструкций, основан на представлении о том, что в ходе их совершения человек воспроизводит Божественное деяние – «перводействие», «первопуступок», тем самым уподобляясь Божеству-предку (предшественнику). Видимо, не случайно русское слово «обряд» имеет один корень со словом «порядок» и отдалённо родственно санскритскому *rta, rita* – Мировой закон. Это в равной степени относится и к явным **О.**, и к **О.** тайного свойства.

В известном смысле справедливо считать, что **О.** как бы «включает» человека в событийные связи Космического порядка. Содержание и структура **О.** сохраняются неизменными на протяжении веков, даже тысячелетий, передаваясь обычно изустно, по наследству.

Отсутствие в каком-либо **О.** подобного скрытого или явного смысла/содержания позволяет с уверенностью утверждать, что эти выдаваемые за подлинные **О.** являются «новоделами» и не могут считаться в полном смысле традиционными.

К **О.** действиям непосредственно примыкают внешние составляющие, как то: обрядовая атрибутика, **заговорные** слова и славления, приносимые **жертвы**, приличествующая тому или иному **О. трапеза** и т. п.

О., направленные непосредственно на того или иного человека, принято называть личными (индивидуальными); совершаемые в рамках семьи/**рода** – семейными; сельскохозяйственные и другие обряды – календарными. Также принято выделять **О.** «по случаю», или окказиональные.

Бывает, что структура либо содержание **О.** претерпевают изменения. В современном **язычестве** древнюю обрядность можно считать в немалой степени утраченной, однако при научном подходе к реконструкции **О.** они могут быть восстановлены со значительной степенью достоверности.

Община –

в науке принято определять **О.** как форму социальной организации. Древнейшая (родовая) **О.** (*вервь*) характеризуется коллективным трудом и потреблением, более поздняя форма – соседская (территориальная, сельская) **О.** – сочетает индивидуальное и общинное владение. **О.** обладает полным или частичным самоуправлением. В дореволюционной России **О.** была замкнутой социальной единицей.

Слово **О.** восходит к исконно древнерусскому «объчий» (праслав. **obyĭo* – «то, что вокруг»).

О. называют также древние исторические общности: городскую коммуну, религиозную, профессиональную, земляческую.

В настоящее время язычники объединяются в **О.** на основе общих убеждений и интересов. Часть таких **О.** стремится вести совместную деятельность, например, познавательную, научно-исследовательскую, хозяйственную и т. п. Полагаем, что именно это закладывает основы настоящей **О.** как таковой – не по названию, но по смыслу понятия. Ведь людей должно объединять *не только* и даже *не столько* участие в совместных обрядовых действиях и ношение традиционной одежды, как это понимают члены **О.**

Говорить о родовой **О.** сегодня пока смысла нет. Чаще всего под такими пока понимают малочисленную группу, состоящую из членов одной семьи. Но её нельзя считать родовой **О.** в полном смысле слова именно в силу малочисленности.

Полагаем, что под языческой **О.** ныне следует понимать союз людей, имеющих общие взгляды, придерживающихся природной веры и схожих подходов к ней, непременно занятых *совместным созидательным делом*, будь то труд или познание, и считающих себя единым целым.

ОГОНЬ —

наряду с **Водой, Воздухом, Землёй и Камнем** (вар.: **Льдом**) является одной из основных стихий Мироздания.

Слово «**О.**» происходит из и.-е. **ognis*, родственного лит. *ugnīs*, род. п. *igniẽs*, вост.-лит. *ùgnis*, лтш. *uguns*.

Образ **О.**, как и образ **Воды**, имеет двойственный характер. Он противопоставлен ей, но обладает сходными свойствами (бесформенность, текучесть). По некоторым представлениям, мир живых и мир мёртвых отделяет огненная река. Это также сближает две стихии.

О. двуипостасен. С одной стороны, это разрушитель, уничтожающий всё на своём пути, с другой – очищающее пламя, которое рассматривается как воплощение деятельного творческого начала.

Также противопоставляется **О.** стихийный **О.** домашнему. И тот, и другой не только родственники: **О.** домашнего очага при отсутствии должного ухода и уважения может превратиться в **О.** стихийный. **О.** сам рассматривается как Божество ещё со времён индоевропейского единства (ср. *Огнь Сварожич*), но служит и посредником между людьми и **Богам**и.

О. мыслится как стихия с ярко выраженными личностными качествами мужчины – старейшины рода.

Особенное место занимает **О.** в **заговорах** (заclinаниях). Так, например, на пламя или пламенеющие угли читали: «Батюшко ты, Царь-Огонь, всемя ты царями царь, всеми ты огнями огонь. Будь ты кроток, будь ты милостив! Как ты жарок и пылок, как ты жгешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и трущобы, у сырого дуба подземельные коренья... Тако же я молюся и корюся тебе-ка, батюшко, Царь-Огонь, – жги и спали с раба божия (имя рек) всяки скорби и болезни... страхи и переполохи...» (Майков, 1869).

С пламенем погребального **О.** (**крады**) сразу в Ирий возносятся души усопших и *правильно* похороненных людей.

О. обладает свойствами исцелять, очищать, обновлять. Таков же и внутренний, душевный **О.**, служащий воплощением и образом устремлений человеческого духа.

Переходы,

посвящения – ныне обобщённое название значимых вех жизненного пути человека, ступенек, по которым он восходит вверх по мере достижения совершенства в избранном деле и в обществе, присущих традиционным представлениям индоевропейцев и, в том числе, славян.

Важность **П.** в традиционном укладе жизни неоднократно подчёркивали практически все исследователи, занимавшиеся историей религий и традиционной культуры – вне зависимости от того, каких взглядов они придерживались. *Языческую культуру вообще можно рассматривать как сочетание почитания предков и посвячительной (переходной) обрядности.* По сути это – две её важнейшие опоры. Хотя посвячительные **обряды** восточных славян известны нам лишь отчасти, можно, тем не менее, восстановить их общий смысл и сущностное содержание.

В узком смысле **П.** – **обряды**, связанные с переводом **человека** в тот или иной возрастной разряд. На деле понятие следует толковать более широко. **П.** как бы сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Первым после рождения **П.** можно считать *принятие ребёнка в род*, когда члены семьи/рода признают его своим кровным сородичем. Он перестаёт считаться неким «существом»,

а становится «своим», получает детское прозвище (ещё *не* имя или т. наз. «домашнее» имя). Надо полагать, необходимость такого обряда обусловлена тем, что детская смертность была весьма высокой и был риск, что ребёнок не выживет, а с ним уйдёт из этого мира душа предка (которая, по ряду представлений, переходила в потомка). Следующим **П.** становилось *признание ребёнка* (условно бесполого существа) *мальчиком* или *девочкой*, после чего детей начинали готовить к выполнению соответствующих обязанностей перед **родом** и обществом. Таково, например, посажение на коня – обряд, который проводили обычно по осени над мальчиком перед началом его обучения ремеслу или, скорее, воинскому искусству и т. д. в возрасте от 3 до 12 лет (чаще в 6–7). В момент появления *способности зачинать и вынашивать потомство* происходил новый обряд **П.**, знаменовавший собою новый этап жизни. Так, девочка прыгала в понёву с обязательным соблюдением ряда обрядовых действий, после чего считалось, что она может ходить в девичьи хороводы и выбирать себе жениха. Следующим **П.** становилось бракосочетание. Оно означало конец прежнего, достаточно вольного, житья и начало нового периода. В этом смысле общеизвестно сходство свадебной и погребальной обрядности. Обычно «хоронят» невесту, которая издревле покидала дом родителей и переходила в дом мужа. Новое положение полноправного члена общества сохраняется у человека на протяжении всего времени, пока он может иметь

потомство. По окончании детородного периода наступает *старость*, влекущая за собой подготовку к главному **П.** в жизни человека – к смерти.

Отдельно следует говорить о **П.** профессиональных. Они напоминают жизненные **П.**, однако *зачастую* носят куда более скрытый, тайный характер. Надо полагать, профессиональные **П.** связаны с различными сторонами жизни древнего общества, а не в последнюю очередь – с т. наз. *парубоцкими громадами*, которые долгое время сохранялись на Украине, в Белоруссии, у чехов и словаков (Балушок, 1993, 1995, 1996). Они напоминают известные и у других, в т. ч. неиндоевропейских народов, тайные мужские союзы.

Хотя в позднее время к ним, как и почти ко всем **П.** вообще, по мере утраты смысла действия относились скорее как к игре, нельзя не признать, что **П.** обрядность позволяла не только оценить человека через испытания, облечённые в ритуальную форму, но и помогала ему решать немало психологических проблем, оценить степень его готовности к жизни в новом качестве.

Отдельным видом **П.** следует признать *обряд имянаречения*, который – зачастую, к сожалению, в условно-обрядовой внешней форме – сочетает и испытательную, и очистительную стороны **П.** В ходе подлинного **П.** испытания – возрастного или по роду занятий, сословного, человек обращается как к своей родовой памяти, так и, возможно, к более глубинным слоям собственной личности.

Правда -

в современном русском языке «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей, справедливость, честность». **Старина**, видимо, подразумевала более широкое и многооттеночное понимание слова **П.** Это не столько то, что существует в действительности, сколько то, что правильно, верно, то есть соответствует неким изначальным установлениям, представлениям.

Укр. *правда*, бел. *праўда*, др.-русск. и ст.-слав. *правьда*, болг. *правда* – то же, имеет также значение «поголовье скота»; сербохорв. *prâvda* – «правда; тяжба»; словен. *prâvda* – «положение, закон, судебное дело»; чеш., слвц. *pravda* «правда»; польск., в.-луж. *prawda*, н.-луж. *přawda*. От **pravъ* из **prōvos* от **prō-*, родственного лат. *probus* «добрый, честный, порядочный»; др.-инд. *prabhūṣ* «выдающийся (по силе и изобилию), превосходящий»; англос. *fram* «сильный, деятельный, смелый»; др.-исл. *framr* «стоящий впереди, стремящийся вперёд» (Фасмер).

Итак, понятие **П.** находится в тесной связи с законом (ср. *право*), который, в свою очередь (см. **старина**), восходит к установлениям, данным **Богами** или их представителями на земле. Как

противопоставление *кривде П.* встречается в Голубиной книге, старообрядческих текстах и т. п. Повседневная жизнь язычника побуждала его на собственном опыте убедиться в том, что в окружающей природе господствуют отношения «по **П.**», все её части взаимоувязаны, согласованы между собой. Люди мечтали о том, чтобы перенести те же отношения и в общественную жизнь (что получалось не всегда).

Не совсем обосновано отождествление **П.** и *Прави*. Широко распространённое в философии современного язычества слово «Правь», как показывает изучение первоисточников, в отличие от **Нави**, встречается только в сочинениях Ю. Миролюбова т. наз. «Велесовой книге» (которую авторы не могут принять в качестве исторического документа). Соответственно, совершенно неуместно ставить знак равенства между **П.** и Горним (вышним) миром. **П.**, скорее, замысел, образ того, как должно быть, «изначальный небесный образец», то, что должно быть согласно **ротé**.

Таким образом, в язычестве **П.** есть не столько то, что соответствует «реальному положению», сколько то, как оно *замыслено*, как *должно быть* по уложению **Богов**, к чему *обязательно надо стремиться*.

Праздник,

свято – одно из главных понятий традиционного календаря наряду с *буднями*. День, отмечаемый в честь какого-либо события, или значимая точка **годового кола**.

В языческом сознании неучастие людей в божественном деянии-**П.** может быть чревато даже разрушением Мира.

Слово **П.** родственно словам «порожний», «порозднь» (с тем же значением), ст.-слав. **porzďь* от **pors-do-*, родственны ему слова со значением «бежать», «удалять» (Фасмер, Срезневский). Иначе говоря, **П.** – время, как бы вычеркнутое из повседневности. Слово «*свято*» как обозначение **П.** ныне менее распространено в русском и украинском, нежели в белорусском и ряде западнославянских языков. Праславянское **svetъ* восходит к понятиям «святость», «процветание», то есть указывает на цели устройства **П.**

Появление понятия **П.** есть следствие представления о неоднородности **времени**. Главное отличие **П.** от будней, обыденности в том, что **время** мирское, человеческое замещается в такие дни «**временем Богов**».

В **П.** граница между мирами истончается и даже рвётся. Поэтому все такие дни опасны. **П.** могут быть как «светлыми, благими», так и «страшны-

ми, вредными». В этом смысле **П.** отличается от будней тем, что в такие дни действует куда большее количество ритуальных запретов и ограничений, нежели в дни простые.

Запреты вступают в силу накануне **П.** сразу после захода солнца. Нарушение запретов влечёт за собой тяжёлые последствия – для нарушителя, его рода и даже мироздания в целом. В образном виде такие последствия представлены, например, в волшебных русских сказках. Сербы полагают, что пренебрежение праздником Русалий грозит разливом реки и наводнением, а полещуки считают, что в семьях нарушителей запретов рождаются калеки.

В соответствии с обычаем можно также выделить **П.** мужские и женские, молодые и старые, мёртвые и весёлые и т. п.

Сам годовой праздничный круг соотносится с видимым движением в небе Солнца и Луны. Совпадение и расхождение солнечного и лунного циклов влечёт за собой представление о «сильном» и «слабом» **П.** Так, **П.** летнего солнцестояния – Купала или Ярилин день – макушка года – будет сильным тогда, когда полнолуние совпадёт с самым длинным днём года или будет близко к нему.

Крутится из года в год колесо времён. **Боги** творят мир снова и снова. Но всё случается вновь. Здесь. И сейчас. И только люди здесь, на Земле, в Срединном мире, могут помочь **Богам** сделать так, чтобы колесо вращалось в нужном направлении.

Предки,

деды – обобщённое обозначение усопших родственников, начиная от основателя **рода**, и одновременно обозначение **праздников**, связанных с их поминанием. Последовательность устройства обрядов почитания **П.** у всех славян достаточно сходна. **Праздники** носят более или менее совместный характер, сохраняя многие черты родовых общинных действ. Имеются прямые свидетельства о массовом поминании покойников. Славянское **язычество** в значительной мере и было основано именно на культе **П.**, на особенном уважении и почтении к старшим.

Почитание **душ** умерших – один из древнейших видов религиозной обрядности. Уважение и даже обожествление прародителей – как основателей рода, так и недавно ушедших в Иной мир, присуще всем индоевропейским народам, как, впрочем, не только им. В какой-то момент понимание одухотворённости окружающей Природы и мира слилось в сознании людей с почитанием **Д.**, которые были незримыми покровителями всех дел **человека**, направленных на преобразование окружающего, на сотворение Космоса из Хаоса. Нечто подобное сделал в начале времён ставший легендой Первопредок. Именно это – только на

ином уровне бытия – делали его потомки. Если они действовали правильно, им были обеспечены благоволение и поддержка душ умерших (читай: **Богов**), если же нет, их начинали преследовать неудачи, которые надлежало воспринимать не столько как наказание, сколько как подсказки, уроки...

Устное народное предание восточных славян сохранило немало примеров, когда усопшие помогают своим потомкам. Таковы, например, известные сказки о чудо-коне, достаемом лишь тому из сыновей умершего отца, который соблюдает все его заветы по отправлению поминальной тризны на его могиле; куколке, в коей, очевидно, пребывает дух умершей матери и которую дочка кормит, а та помогает ей справляться с испытаниями и т. д.

Почтительное отношение к старшим в роду или общине сохранялось и в более поздние времена. С того времени, когда люди осознали, что пожившие на свете и немощные вроде бы старики на деле не нахлебники, но хранители опыта и знаний, отношение к ним стало соответственным – трепетным и почтительным.

Во многих уголках России с древнейших времён сохраняется и строго блюдётся древний обычай передачи тайных знаний от старшего к младшему. Человеку старше годами нельзя передавать *слово* (ср. заговёр, речь). Можно описывать порядок действий, но волшебные знания – нет.

Сейчас постепенно изначальное отношение к **П.** возвращается. Впрочем, иногда это приобретает странный вид, об отклонениях которого как нельзя более точно сказал Лев Прозоров:

«Культ предков это не вопль “Слава предкам!” над братиной с покупным пивом чеченской фирмы в замусоренном, затоптанном и заплёванном пригородном леске, у костерка из разломанных ящиков. Это даже не посещение в Родительскую субботу могилки на кладбищах – травку прополоть, оградку поправить, гвоздички положить. Культ – это прежде всего отношение. Такое отношение, при котором объект находится вне критики...

Там, где возникает иное отношение, кончается культ – даже если памятники ещё стоят на всех перекрестках и цветы у пьедесталов не успевают завянуть» (Прозоров, 2006).

Остаётся надеяться, что со временем всё изменится к лучшему.

Пространство –

(др.-русс. «*пространство*», с XI в.) наряду со **временем** – вторая значимая категория традиционной языческой мифологии и картины мира. Протяжённость, место, не ограниченное видимыми пределами. И. И. Срезневский даёт такие определения **П.**: «1) простор; 2) площадь; 3) громадность, великость; 4) приволье и т. д.». С точки зрения этимологии русское слово **П.** родственно словам со значением «расстилать», «рассыпать», «грудь» и т. п. (Фасмер).

Вопреки кажущейся простоте и очевидности, понятие **П.** отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

В традиционном миропонимании индоевропейцев окружающая действительность вне человека и **Богов** воспринимается как некий Хаос (греч. *chaos* < *chainō* – «разверзаюсь»). В древнейших мифологических представлениях Хаос – зияющая бездна, наполненная туманом и мраком, неорганизованная стихия, из которой впоследствии образовалось все существующее.

Этот хаос существует изначально, а смысл появляется в нём лишь тогда, когда Боги (или Бог), выделив себя из хаоса и отделив себя от него границей, начинают творение собственно Мира, Кос-

моса, привносят *порядок* в изначальное нечто, упорядочивая часть «неоформленного» мира. В дальнейшем хаос и порядок сосуществуют в одном **П.**, что в немалой степени определяет взаимоотношения человека со средой, в которой он обитает. Так, поселение обычно мыслится как некая обустроенная в космическом смысле часть мира, «островок порядка». Тогда линией раздела между хаосом и космосом служит **граница** поселения. То же самое справедливо и на уровне одного дома (двора), и на уровне большей части **П.** – например, в упорядоченную область включаются поля, а со временем и вся территория, занятая родом, племенем, народом – так вплоть до государственных границ. Эта священная, установленная Богами, иерархия организации **П.** прослеживается на различных созданных или освоенных человеком уровнях по принципу «что внизу, то и наверху».

Выход за пределы освоенного **П.** мог, видимо, в ряде случаев сопровождаться сложными обрядовыми действиями осторожного свойства. Здесь вполне понятны опасности, скажем, путешествия, объединялись в сознании человека прошлого с опасностями потусторонними, ибо *там* жили, возможно, не люди, но некие загадочные и, скорее всего, опасные существа, лишь напоминающие людей (ср. **своё–чужое**, пережитки подобного отношения можно наблюдать и поныне (в первую очередь, в молодёжной среде: вспомните драки жителей соседних улиц и т. п.).

П. в мире язычника неоднородно. Освоенные и обитаемые территории и в самом деле лучше всего сравнить с островками в опасном и сложном мире. Человек, поступая так же, как действовали в начале времён **Боги**, по мере сил участвует в обустройстве этого враждебного мира. Он прокладывает дороги, которые связывают между собою поселения и особые священные места. Последние служат своего рода «точками отсчёта» в **П.**, которое осваивает человек.

Однако неоднородность пространства прослеживается не только на горизонтальной плоскости, но и «по вертикали». Многие древние народы считали, что Вселенная разделена по меньшей мере на три уровня: мир Срединный, мир Нижний и мир Верхний. Их свойства могут различаться (а проявления во многом зависят от географических условий), однако общие черты присутствуют в представлениях всего населения, например, Евразии.

Следует отметить способность «вертикали» и «горизонталей» порою смыкаться и накладываться друг на друга. Так, Нижний мир в представлениях славян нередко соединяется с Верхним, а Ирий, где обитают души усопших, пребывает за морем, но одновременно предстаёт и как Верхний, и как Нижний мир. **П.** словно бы замкнуто само на себя и в то же время самопроницаемо. Иначе говоря, оно обладает внутренним вращением, двигается относительно культурного героя или его водчого-

Бога (Богини-проводницы). Точки перехода между мирами обычно тесно связаны с **Мировым древом**, ствол которого отождествляется с Мировой осью, и почитаются как особые священные места. Проявления точек могут быть различны, но всегда между ними будет нечто общее.

Незыблемым центром **П.** считается Мировой камень, скала Времён, а у восточных славян – **алатырь-камень**.

Одновременно народные обычаи донесли до нас вполне наглядные образы Вселенной, скажем, уподобленной яйцу.

Современное представление о **П.** как об одной из форм (наряду со **временем**) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующейся протяжённостью и объёмом в целом при суще и части сегодняшних последователей языческой традиции. Одновременно – в неявном порою виде – сохраняется и древнейшее восприятие **П.**, как оно запечатлено в зачине одной из былин:

«Высота ли, высота поднебесная!
глубота, глубота – акиян-море!
Широко раздолье по всей земле!»

Вселенная наших предков замкнута сама на себя, воды небесные соединялись с водами земными, но... разве не о чём-то подобном говорит и современная наука – пусть не языком формул, а языком космогонических теорий?

Речѣ,

язык – то, что выдаёт происхождение существа (человечья **Р.**, язык зверей и птиц), определяет его принадлежность к тому или иному роду. Именно потому в древнерусском слово «язык» означало ещё и «народ, племя» одного наречия, а также «завет, завещание потомкам» (Срезневский). Сегодня под **Р.** понимают процесс говорения, звуковой образ языка.

Великопольская Хроника сообщает: «У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне (*Slavs*)» (Великая Хроника..., 1987).

Р. понимается в первую очередь как «слово, звук», хотя ранее понятие имело и иные значения: «рассказ, повествование, беседа, разговор, решение, вопрос, дело, обвинение, свидетельство, предмет-вещь и т. д.» (Срезневский).

Хорошее владение **Р.** (красноречие) почиталось древними наравне с волшебными искусствами и считалось даром **Богов**. Владение «истинной **Р.**» (знание истинных **имён**), то есть протоязыком (до его разделения на иные язы-

ки, а единого человечества на разные народы) уравнивало **человека и Бога**. Среди животных древние особо выделяли тех, что вещали голосом человеческим, то есть, чтобы их понять, не требовалось особое знание речи зверей, птиц, рыб и гадов.

Ещё в древнем обществе, где преобладали охота и собирательство и складывались первые общественные отношения, происходит «означиваемость» мира, его попредметное название. Согласно Л. С. Выготскому, процесс этот происходит одновременно с развитием мышления и *языка*. Называние и приспособление под деятельность всё новых предметов и объектов внешнего Мира подобны присвоению этих вещей, то есть, по сути, сравнимы с актом «сотворения» их **Богам**. Сотворение знака, изречение слова в звуке-**имени** есть различение самой вещи из хаотического мира. Она перестаёт быть «чужой» (Гаврилов, 2004).

Подобное развитие общества отражается в возрастной психологии, когда ребёнок осваивает предмет в соответствии с общественной логикой или, используя природные объекты, осваивает и присваивает как собственно объекты, так и их функции.

Р. и *язык* издревле понимались как орудия. Соответственно, *язык* можно было отнять, его можно было лишиться («развязать язык» – заставить говорить). Утрата дара **Р.** могла привести к выпа-

дению человека из рода. Лишение дара звукового общения, по мнению наших предков, приводило к утрате ума, помутнению рассудка, общественной смерти.

Чрезвычайно важно отметить именно требование к правильному, хорошему владению **Р.** (*языком*), которое мыслится как обязательное условие овладения волховским даром, волшебными способностями и т. п. Сегодня, в условиях резкого падения общей культуры, это особенно важно иметь в виду.

Род,

народ, племя, семья – основополагающее понятие языческого мировоззрения, применяемое к близким людям.

В современном языке, согласно словарю Ушакова, Р. в том числе: «1. Основная общественная организация в первобытном обществе, представляющая собою союз больших семей, находящихся в родственных отношениях и ведущих общее хозяйство... 2. Ряд поколений, происходящих от одного предка...»

У славян *роды* в широком смысле слова это те, кто имеет общее с ними происхождение, в отличие от тех, кто говорит не по-славянски: тех источники называют только «языци» («Поляне же суще от *рода* славеньска»).

В древности **Р.** представлялся корнем, от которого произрастают ветви-племена. **Р.** одновременно выступал и как слово-понятие, обозначая обыкновенную семью как семейную общину, и как символ, а в зависимости от случая на передний план выходило то или иное значение, оттенков смысла (Колесов, 2000).

Лингвистика уверенно доказывает, что слово «племя» возникло ещё до появления слова «**Р.**». Хотя, скорее всего, это утверждение вызо-

вет резко отрицательную реакцию многих современных сторонников языческого мировоззрения, тем не менее, точка зрения учёных весьма доказательна.

Понятие **Р.** в широком смысле слова выходит вперёд тогда, когда становится важно действие, а не только его результат («семя» становится важнее «плода»). **Р.** всеобъемлющ, всё пребывает в связи со всем. Это приводит к обожествлению **Р.** в представлении язычников прошлого как непрерывной цепочки предков и потомков, взятых вместе, в неразрывном единстве. Поэтому, кстати, мы склонны рассматривать **Р.** не как истинное имя Бога-Творца (например, Стрибог – «Старый Бог»), но лишь как одно из Его *возможных* прозвищ: «То ти не Род, седа на воздусе, мечеть на землю груды – и в том ражаются дети... Всем бо есть творец Бог, а не Род» (Слово о вдуновении духа в человека). Идея продолжения, развития, действия сохраняется в глубинном значении корня **Р.** длительное время (Колесов, 2000).

Ꙗотá –

клятва, присяга, клятвенное удостоверение, особый вид священного обета, под яростным давлением христианства местами принявший отрицательное значение.

Родственно словам со значением «клятва, правда, правило, заповедь, закон, обет» и собственно «слово», что косвенно указывает на важное значение, придававшееся некогда этому понятию. Прямым предком слова «**Р.**» является санскр. *rta* – «мировой закон». Таким образом, **Р.** и **обряд** также родственны.

«Князь Святослав русский... утверждает на соещанье сем роту свою» (договор Святослава с греками, 971 г.). «На роту идуть хранити истину» (договор Игоря с греками, 945 г.).

Сведений о **Р.** сохранилось крайне мало: сравнивая различные списки летописей, несложно проследить, как христианство стремилось вытравить языческую клятву из памяти людей. Исследователи (М. Серяков, 2005 и др.) рассматривают **Р.** как взывание в подтверждение правдивости даваемого слова к Вселенскому Закону – невыразимому, но всеобъемлющему.

К примерам **Р.** можно отнести клятву на оружии, например, на мече, клятву **Землѣй** (особен-

но с землѣй на голове – при межевых спорах). Иначе говоря, это призыв в послухи тех Сил, которые, возможно, старше и могущественнее самих **Богов**.

В древнерусских источниках известны также «вольная **Р.**» – добровольная присяга, судебная **Р.** – присяга по судебному назначению и т. д.

Ныне обычай приносить **Р.** практически полностью утрачен. Мало кто из современных приверженцев славянского язычества видит разницу между обычным честным словом, присягою и клятвою чем-то высшим. Тем не менее, само подспудное ощущение правильности такого действия побуждает людей более или менее внимательно относиться к призыву своих Богов в свидетели даваемого слова.

Ряд –

среди множества значений этого слова (строй, расположение предметов рядом, строка, столбец, даже посёлок) нас интересуют лишь некоторые.

Р. – это порядок, «писать по ряду», то есть по порядку, последовательно, непрерывно. «Без ряду», соответственно, беспорядочно, не кстати. **Р.** – это свой черёд, число раз, очередь, постепенность.

В языческом смысле слова наиболее интересны его значения как «управление» (Лаврентьевская лет., 6760 г.) и «суд» (там же, 6714 г., 6746 г.), «правило» и «распоряжение» (Русская Правда Владимира Мономаха), «дело» (Ипатьевская лет., 6659 г.).

Наибольшее число упоминаний **Р.** соответствует значению слов «договор, уговор, результат переговоров» и встречается в различных списках русских летописей.

Таким образом, ныне под словом **Р.** вполне обоснованно понимают некую договорённость, достигаемую в том числе между **общинами** или объединениями **общин**.

Скѣт Јот –

Кошь и Ирий, Мир Иной. В противоположность Белому Свету понималось, что есть и **Т. С.** – область, недоступная смертному, где пребывают **Боги и Предки** и прочие существа. **Т. С.**, он же Мир Иной, весьма условно делили на Мир Нижний (Кошь) и Мир вышний, Горний (Ирий).

В понимании древних *Кошь* – уровень славянского мироздания, схожий с безрадостным Айдом. Кошное царство сродни и скандинавскому Хель. Оно в свою очередь троично – медное, серебряное и золотое царства.

По ряду наблюдений, у славян одна из **душ** отправлялась на **Т. С.**: либо в Кошное царство, либо в небесный Ирий, проходя, видимо, посмертный суд у Чёрного бога, известного как Велес, *Нуа* или Вий.

В Кошное царство душа славянина по ряду представлений попадала в клюве у ворона, что выклёвывал глаза – зеркало души. В Ирий – на крыльях ласточки. До сих пор у русских местами сохранилось поверие, что птица, залетевшая в дом – к смерти. Упоминаются и ещё некоторые способы путешествия души. С погребальной **кранды** души воинов возносились в светлый Ирий. Нижний мир, связанный со стихией Дикой при-

роды, **Леса, Воды и Земли**, возвращал себе души посредством Зверя.

В погребальной ладье или на саях тела, а равно и души умерших славян, попадали к Велесу. Согласно представлениям греков, путь души в Аид проходил на лодке старого неумолимого Харона, да и скандинавский Один порою выступал навим лодочником («Сага о Волсунгах», X). В русской народной сказке о купце Марко-богатом показан тот же образ старца-перевозчика в Мир Иной через реку Смородину или море Дон.

У скандинавов путь души героя в Вальгаллу лежал по радужному мосту. Лишённые телесной оболочки невесомые души возносили валькирии. Мост этот сторожил от непрошенного посетителя белый ас Хеймдалль. С погребального костра колесница Афины (Ириды) и Гермеса вознесла Геракла на светлый Олимп.

В Ирии славянин встречал предков. Жизнь в нём представлялась приблизительно такой же, как и в Среднем мире, только дичи и хлебов было неисчислимо, так что не было нужды прилагать особые усилия для добычи пропитания.

Кошный же мир представлялся бесцветным и более скудным, чем земной – то в виде поля, на котором Великий Водчий как пастырь пас души, то в виде огороженного места за тыном, украшенным мёртвыми головами.

Местонахождение **Т. С.** в русском народном предании обозначено по-разному. Это может

быть труднодоступная область пространства далеко за горами, непроходимыми лесами, глубокими морями, за краем Белого света, то есть «за горизонтом событий». Ирий помещали высоко в небе, Кошь – глубоко под землёй. По народным представлениям, на Белом свете есть кратчайшие проходы в мир Иной (например, колодец или дупло, дыра под священным камнем). По представлению славян и их ближайших соседей, тропой мёртвых в Горний мир **Богов**, например, Сваргу (в Ирий) или Вальхаллу (в Асгард) служит Млечный Путь.

Хождение на **Т. С.** – традиционный сюжет индоевропейской мифологии. Достижение его не обходится без проводника, равно вхожего и в **Навь**, и в **Явь** (Пряха, Баба-яга, старичок с клубочком, Велес или, позднее, св. Николай). Обычно такой проводник оказывается хозяином Перекрёстка миров, Междумирья и устраивает смертному испытание. В этом качестве выступает также представитель Дикого мира – Природы (волк, ворон или змея, а также ирийская птица), то есть мира Иного.

вождается потерей им **С**. Тьма соответствует состоянию **человека**, лишённого жизненной энергии, «**навъего**»: «Не глядят ясны очи на белый **С**.»; «Белого **С**. не видеть».

СКЕТ ЭТОТ

В русской традиции **С**. имеет множественный смысл. С одной стороны, это воплощение видимого мира – **Э. С**. (мира, **земли**, Белого света, **Яви**), отсюда «ходить/бродить по свету», «видать на свете». С другой стороны, **С**. отделен от своего источника, существует по древнеславянским представлениям как бы сам по себе и почитается особо.

С. связан с **Богами** Высшего Мира, то есть с Истиной и Правдой.

Слово **С**. родственно *svētās* – «светлый, белый».

Согласно «Голубиной Книге», **С**. произошёл от Божьего **Суда** (т. е. **С**. – божественное начало). **С**. (Белобог) и Тьма (Чернобог) – две первоосновы Творения. **С**. способен отвращать от смертного **человека** проявления Тьмы, обладает жизнеутверждающей силой. **С**. рассматривается как противоположность Тьме.

В старорусских **заговорах** и сказках тяготение к **С**. (и к светилам вообще) становится образным описанием наивысших проявлений человеческих чувств («светлей светлого месяца, красней красного солнца»).

Человек способен не просто воспринимать **С**. извне, но и излучать его; смерть человека сопро-

СКОЕ – ЧУЖОЕ –

одна из важнейших пар *противоположностей* в языческом мировоззрении всех народов мира. Пары противопоставляемых друг другу понятий (так называемые «бинарные оппозиции») являются одной из особенных черт всего языческого мировосприятия. То же происходит и в данном случае.

Собственно говоря, с представления, что есть «С.», а что – «Ч.», начинается постижение, «отсчёт» понятий **род**, семья, страна и т. п.

В древнейшие поры **Ч.** понималось как не совсем человеческое, ибо в полном смысле слова людьми считались лишь те, кто принадлежит *нашему роду*, говорит на *нашем* языке и проч. (например, противопоставление «словене–немцы», как долго называли всех европейцев). Ныне представление о принадлежности к людям, конечно, изменилось, но почти все мы до сих пор можем припомнить, какие в полном смысле слова войны разгорались между подростками, жившими на соседних улицах. Это не что иное, как отголоски того самого представления о **С.** и **Ч.** территории.

Смысловым родством с парой «С.–ч.» обладают пары «хороший–плохой», «чистый–нечистый», «земной–подземный» и т. п.

К **С.** относят людей, связанных на разных уровнях: семья, **род**, народ, владение языком, вера, принадлежность к сословию. К **Ч.** относятся *не* люди: предки, животные, странники. Иногда сюда же попадают люди, попавшие под обрядовые и праздничные ограничения, действующие так, что их поведение угрожает обществу и Мирозданию.

Вместе с тем **Ч.** – носители волшебной силы, к ним обращаются в особых случаях, чтобы обеспечить успех, богатство, благополучие.

Слава –

у Ожегова и Шведовой С. – «1. Почётная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта. 2. Слухи, молва (разг.). 3. Общепринятое мнение, репутация».

Лишь два последних толкования могут иметь отношение к первичному смыслу: «честь, похвала, слух, молва» (Фасмер). По происхождению слово «С.» связано со «слово, слыть». Одно из важных понятий в «морально-этическом кодексе» воинского и, образно говоря, «руководящего» сословий. Понятие С. встречается в «Слове о полку Игореве», где о его войске говорится «ища себе чести, а князю – славы».

Из подобного разделения можно сделать вывод, что Фасмер не совсем прав и что «честь» не совсем то же, что С. Или что существовали различия между «видами» общественной оценки смыслового поля, описываемого этой группой слов, которые применялись в зависимости от общественного положения человека.

Скорее всего, С. в изначальном понимании это всё же нечто иное, нежели просто «известность»; можно предположить, что она относится к ряду священных понятий. Так, на наш взгляд, слабо

вяжется с образом С. любое упоминание лица духовного сословия или по роду занятий пахаря.

В том же «Слове...» есть упоминания о «звоне» С., а также о том, что лебедь поёт С. князю Ярославу. Следовательно, под С., как мы и предположили, действительно понимается *нечто большее*, нежели просто хорошая молва, мнение о человеке или о событии. Возможно, образ С. восходит ко времени, когда люди осознали, что доброе слово о ком-либо или в честь кого-либо положительно воздействует на этого человека или людей вообще.

Сегодня широко распространена точка зрения, что самоназвание «славяне» восходит именно к понятию С., поскольку они не молились, а славили **Богов**. Но идея о связи слова С. и именования «славяне» впервые появляется *только в XV в.*, а утверждение о «славлении Богов» как способе выказать уважение и благопожелания опять же встречается лишь в так называемой «Велесовой книге», которая не может считаться заслуживающим доверия источником.

Однако, если задуматься, в самой мысли о «славлении» нет ничего дурного, но надо полагать, что способы почитания **Богов** нашими предшественниками всё же включали в себя *хвалу* (см. «Слово о полку Игореве») и просьбы, и какие-то иные выражения уважения и признательности, помимо «С.».

Сотворение мира –

сюжет, присутствующий в древнейших мифах практически у всех древних народов. Это вполне понятно и объяснимо, так как человек издревле стремился объяснить Мироздание, ища ответ на вопрос о своём месте в нём. Неверно и, в общем-то, вредно утверждение о том, что у славян такие предания развивались исключительно под воздействием библейской традиции. Скорее напротив: пришедшая библейская традиция с течением времени наложилась на имевшиеся у славян ещё общеиндоевропейские воззрения, искажив их и запутав первоначальные представления.

Сохранилось несколько вариантов славянского мифа о сотворении мира. Древнейшее общеиндоевропейское представление о происхождении Вселенной из человека, вернее, тела божественного Прачеловека, части коего есть составляющие Мироздания (ср. ведический Пуруша, орфический Гефест, скандинавский Имир, авестийский Йима и т. д.) обнаруживается в Голубиной (Глубинной) книге. Широко было распространено и представление о мире как о яйце, который перерождается весной после разбивания этого яйца (ср. сказку о Кошее). Образ «мира-яйца» известен в Древней Индии и в Древней Греции (у орфиков Протогон-Эрос родился из золотого яйца). Представлен он

и в эпосе ближайших соседей славян – угро-финских народов.

Дуалистические версии сотворения мира (и человека) двумя творцами – «белым» и «чёрным» (ср. авест. Ахура-Мазду и Ангро-Майнью с зап.-слав. Белбогом и Чернобогом и т. д.) также находят «родственников» у индоевропейских и угро-финских народов.

Столь великое множество разноречивых, казалось бы, представлений, может иметь весьма простое объяснение. Записанные в различное время и в разных местах в пределах огромных земель, заселённых славянскими племенами, они не могут быть рассмотрены как плод творчества единого народа. Славяне в ходе расселения общались, зачастую даже перемешивались с различными этносами, причём отнюдь не обязательно индоевропейскими. Кроме того, нельзя списывать со счетов и разницу «климато-географическую»: особенности каждой местности не могли не наложить на один из главных объяснительных мифов свой отпечаток.

В любом случае нет никаких оснований считать славянские предания о сотворении мира библейскими по происхождению. Это не только смешно, но и является, как говорится, передёргиванием. Более того, крайне забавно, когда библейское предание рассматривают как глубоко символическое, эзотерическое, содержащее высокие тайны Мироздания, а славянским преданиям или мифам других народов в этом праве отказывают.

Срѣча

(*встреча*) – одно из проявлений **судьбы** или **доли**. **С.** и *несрѣча* – две взаимоисключающие противоположности, обратные по значению. Исход **С.** по преимуществу неясен, хотя чаще всего она благоприятна, в отличие от своей противоположности. **С.** подразумевает то, что встретилось, пришло как бы случайно (со стороны), нечто не прирождённое. Однако на деле даже случайная **С.** чаще понимается и как написанная на роду закономерность, которой чаще всего нельзя избежать. Это некое событие, которое человеку остаётся только принять. В праздничном цикле под **С.** понимают праздники в честь предвестий смены времён года, обычно посвящённые тому или иному **Богу** (так, в феврале принято отмечать Велесову **С.**).

В волшебных сказках герой, даже подслушав предсказания **судьбы** (своей или другого человека), обычно не может ничего с ними поделать, сколько он ни стремится изменить будущее. Однако некоторые сюжеты русских и близких им европейских сказок показывают, что недобрую **С.** всё же можно отвести. От неё можно освободиться. В этом смысле она существенно отличается от **доли** как прирождённого качества человека.

У южных славян (боснийцы, сербы) *несрѣчу* можно даже убить. У восточных славян понятиям **С.** и *несрѣча* близко представление о *Горе-злосчастье* (*Лихе*).

Христианская церковь однозначно отрицает существование **С.** и считает веру в неё суеверием («на срѣщю смотрите», «срѣщом вѣрують», «въ стрѣчю веровати» и пр.), то есть **С.** – ещё и предмет гадания, средство узнать **судьбу**.

Старина –

древний русский синоним слова «традиция», которое вошло в обиход из латинского (*traditio* – передача). Учёные считают слово **С.** единственным полностью соответствующим по смыслу понятию «традиция», хотя и почти исчезнувшим ныне (Колесов, 2000). Тем не менее, **С.** нельзя считать восходящим ко временам древнего язычества, в рассматриваемом значении его достоверно начинают использовать лишь в позднем средневековье.

Понятие **С.** находится в тесной связи с такими идущими из языческого прошлого словами, как «нрав» и «обычай». **С.** выступает как обобщающее то и другое. В совокупности они обозначают установления обычного права, бытовые особенности народа и т. д. «Имяху бо обычай свой и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычай имуть кроток и тихъ... брачныи обычаи имяху... Радимичи и Вятичи и Сѣверь одинъ обычай имяху, живяху в лѣсѣ... Си же творяху обычаи Кривичи [и] прочий погани, не вѣдуще закона божия, но творящее сами соби законъ... Закон имуть от своих обычай: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати ли убити, ли злодѣяти весьма...» (Лаврентьевская лет.)

Из летописи следует, что все подчиняются обычаю, но своему, принятому в данной местности. Над обычаем стоит закон, однако поскольку обычай – свой, то он крайне важен. Закон как бы над людьми и отдалён от них, а обычаи сохраняют люди.

Возможно, свои особые обычаи, складывались ещё в далёком прошлом и у отдельных сословий (волхв «по обычаю своему почаль свою речь» (Лаврентьевская лет.), хотя в данном отрывке речь может идти и об обыкновении, то есть привычке определённого человека).

В прошлом сказители называли **С.** былины («былины-**С.**»), рассматривая их как предания о событиях былых времён.

Суд –

одно из основополагающих понятий древнего мировоззрения. «Белый вольный Свет зачался от С. божия» (Голубиная Книга); «Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: “Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду С. Божиа не минути”» («Слово о полку Игореве...»).

Странно было бы, если внук (наследник, ученик) Велесов – а именно таким предстаёт Боян в «Слове...» – обращался к иному С., кроме языческого, Велесова ли или суда иного **Бога** (например «бога богов»).

Понятие С. тесно связано с определением **Судьбы**. «Слово “судьба” в древних памятниках иногда означает “суд”, “приговор”, “решение”» (Рыбаков, 1987).

«Лежащая в основе имени С. (сербо-хорватск. Усуд – вершитель судьбы) мифопоэтическая формула отражена также в общеславянских именах типа др.-русск. Судиславъ, воспроизводящих еще более ранний индоевропейский источник (обрядовая формула со значением “добывать славу” – “делать знаменитым”). К тому же корню восходит имя греческой Фемиды, поэтому персонафицированное воплощение С. можно считать архаизмом славянской мифологической предпра-

вовой традиции, воспроизводящей существенные черты общеиндоевропейской» (Иванов, Топоров, 1974).

«Суденицы – у славян мифические существа женского пола, определяющие Судьбу человека при его рождении. Суденицы ходят вместе как три сестры. Они бессмертны и приходят издалека, обычно в полночь на третий (реже – на первый или седьмой) день после рождения дитя в его дом, чтобы “судить” или “наречь” ему жизненную **судьбу**. Согласно болгарской традиции этот “С.” происходит так, что сначала нарекает судьбу младшая из Судениц, затем средняя и, наконец, старшая, и ее слово оказывается самым вещим и определяющим. В сербской же традиции считалось, что старшая обычно предрекала новорожденному смерть, средняя – физические недостатки, а младшая, по желанию которой обычно и сбывалась судьба, оказывалась самой милостивой и говорила, сколько жить ребенку, когда ему идти к венцу, с чем столкнуться в жизни и каким счастьем обладать. Установленная судьба оказывалась неумолимой. Верили, что эту судьбу Суденицы писали младенцу на лбу (ср. рус. “Так ему на роду написано”» (Толстой, 1995).

Вероятно, если Рода именуют С., то рожаниц – суденицами/судиницами.

Судьба –

одно из важнейших и вместе с тем самых сложных понятий славянского **язычества**. Дословно **С.** – то, что суждено, написано на роду; предназначенный человеку жизненный путь; основные события жизни, в т. ч. и время смерти. Образно **С.** сравнивается с нитью, которую прядут Богини **С.** Узлы на нити отождествляются с испытаниями, и от того, сколь тонка или длинна нить, зависит жизненная сила и продолжительность жизни смертного.

Исторические сведения о **С.** противоречивы. В самых общих чертах воплощение доброй **С.** есть доля – та часть общего счастья, которая достаётся **человеку**. Недоля – иная, противоположная персонификация **С.**, воплощение злой **С.**, несчастье, горе-злосчастье, несудьба. Таким образом, **С.** есть общее по отношению к *дале* и *недале*. В сербских сказаниях долю и недолю жалуется некий Усуд (**Суд**, видимо, мужская ипостась богини **С.**).

В «сербских приповедках Караджича напечатан превосходный рассказ о Судьбе и двух Долях». Счастливая Доля (Съряшта, Среча) описана как прекрасная девица, прядущая золотую нить, Несчастливая Доля – старуха (зла Несъряшта,

Несреча), которая “танко преде”, “когда Съряшта отделена от Несъряшты – тёмная ночь (отделена) от белого дня”... В основе сообщенных нами преданий, кроется мысль, что Доля и Недоля – не просто олицетворение отвлеченных понятий, не имеющих объективного значения, а напротив – живые мифические лица, тождественные девам судьбы (рожаницам)» (Афанасьев, 1995).

На Украине *долею* нередко называется и душа **предка**, которая способна приносить благо или беды потомкам, живущим на Земле (отчётливо прослеживается связь **С.** с почитанием **предков**).

Причины той или иной **С.** по славянским представлениям различны. Её нарекают души **предков**, Богини-**С.**, мать, на неё влияет положение небесных светил (что, надо полагать, достаточно позднее верование). **С.**, подобно **душе**, имеет внешность самого человека или приобретает привлекательный или отталкивающий вид в зависимости от качества. Человек, стремящийся узнать своё предназначение, должен отыскать свою **долю** и спросить о нём. Тогда он сумеет прожить жизнь счастливо. В подобном представлении можно увидеть отголоски древних гаданий о будущем, которые сохранились у восточных славян вплоть до наших дней.

«Судьбы они [склавины и анты. – *Авт.*] не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу» (Прокопий Ке-

сарийский, VI в.). Надо полагать, что византийский историк в данном случае имел в виду скорее *fatum*, неизбежность, неодолимый рок, который, по античным представлениям, не допускает случайностей и властвует над всеми. Есть три богини С., мойры: Дающая–Прядущая–Неотвратимая (Лахесис–Клото–Антропос). Согласно Платону, их триединство – Неизбежность (Ананке). Лахесис вынимает, не глядя, жребий и тем определяет С., которую прядёт Клото, а Антропос заносит С. в свиток. Изменить написанного ею не сумеет даже Зевс.

Имена трёх сестёр (норн) у германцев таков: Урд(р) – С., в смысле «история жизни» или «прошедшее, установленное»; Скульд – «долг», то, что, возможно, предстоит, но может и не произойти, если ты не сделаешь нечто, что должен сделать; Верданди – «настоящее», «то, что есть», «присутствующее».

Сравнивая греческое представление с эддическими воззрениями германцев на С., мы увидим разницу между традициями европейского Севера и Юга: первая допускает куда большую меру свободы личности в выборе собственного пути, пусть даже в рамках предопределённости.

Љрапѣза –

в старославянском «еда, стол, алтарь». Совместной обрядовой Т. сопровождался и завершался любой **праздник**. Считалось, что люди разделяют священную Т. вместе с **Богам**. В прошлом к обрядовой Т. подавали то, что люди приносили в **жертву**. Соответственно, перечень возможных видов пищи был строго определён для каждого **праздника**. Этнография сохранила для нас целый ряд сложных обычаев, которые делали Т. не простой пьянкой, а превращали в сложное священнодействие и, надо полагать, восходили ко временам глубокой древности.

Так, на праздничную Т. (застолье) обычно устраивали несколько столов: один – для взрослых женатых мужчин и женщин, другой – для стариков, третий – для детей и молодёжи. Иногда мужчины и женщины сидели за разными столами или строго друг напротив друга по разные стороны одного стола. На особо престижное место – по правую руку от хозяина (распорядителя) – сажали наиболее почётного гостя. Распространён был и обычай ставить для молодёжи отдельный стол *в стороне* (кстати, до сих пор соблюдаемый в городских условиях на разного рода семейных и т. п. праздниках).

В XIX в. стало обязательным вкушение пищи за столом, а есть со скатерти, расстеленной на земле, почиталось **язычеством**. Это позволяет предполагать существование изначального обычая раскладывать скатерть именно на земле. Но, возможно, подобные действия просто расценивались как неуважение по отношению к Земле Матери.

Интересная особенность обрядовых **Т.** подмечена в Белоруссии: когда в братчинном пире принимали участие жители нескольких сельских общин, столы для гостей ставили так, как стояли одна относительно другой сами деревни. Таким образом, получалась своего рода «модель» местности.

Т. начинали с раздачи хлеба. Каждый принимал хлеб с почтением и выражением благодарности. Собственно еда включала обычно семь–двенадцать перемен блюд. Вообще число блюд весьма сильно зависело от повода для **Т.** (так, на поминальные **Т.** всегда готовили нечётное число). Подавали их поочерёдно, а между ними на стол выносили различные напитки. Пили в зависимости от обстоятельств пиво, квас, меды, которые наливали как в общие (скобкари), так и в индивидуальные (чаши, чары, кубки, чарочки) сосуды. По кругу пили из большой чаши-братины. Гость, получивший братину от хозяина, делал несколько глотков, передавал соседу (обычно двумя руками), и далее по кругу.

Считалось непозволительным забывать повод, собравший людей за столом. **Т.**, даже поминальные, никогда не были «по-христиански» чинными и благородными, переходя даже в случае **тризны** (поминального пира) в буйное веселье, но о поводе для сбора всё же принято было помнить всегда. Веселье и игрища на **тризнах**, по многочисленным свидетельствам, были обычным делом и имели целью показать, что оставшиеся на земле радуются тому, что усопший встречается с ранее умершими родственниками и теперь сможет помогать живущим из Ирия.

К сожалению, сегодня смысл **Т.** как действия, исполненного священного смысла – совместное принятие пищи с **Богами**, во многом утрачен (и не в последнюю очередь в сугубо психологическом смысле). Мало кто – даже на больших праздниках – относится к ней как должно, соблюдает обычаи, старшинство, занимает подобающее место, не напивается вдрызг и так далее.

Триединство –

отражение в языческом миропонимании диалектической триады, позднее описанной в философии Гегеля (Тезис–Синтезис–Антитезис).

Традиционное представление индоевропейцев о троичном устройстве мира (в нынешнем «языческом просторечии» – *Триглав*). **Т.** – система трёх взаимодополняющих и находящихся в круговращении *вещей* (векторы мифологического пространства и времени, связанных преобразованиями симметрии) или двух, но составляющих третью (посредника). «Вещь» понимается здесь в самом широком философском смысле слова (в том числе это и *Мировая Сила*, т. е. **Бог**):

– вещь первая; главное свойство – созидание или новизна, порождение или бытие (т. наз. **Явь**); вещь с будущим, молодая и активная; тот, кто искал знания, и Само Известное;

– вещь вторая; главное свойство – разрушение или консерватизм, смерть или небытие (т. наз. **Навь**); вещь с прошлым, древняя и неподатливая; тот, кто обрёл знания и Само Тайное;

– вещь третья; главное свойство – синтез, объединение, равновесие (т. наз. *Правь*); вещь, у которой было прошлое, но есть и будущее; сама зрелость и процесс сохранения; это тот, кто ведаёт.

Идея триединства неизмеримо стара. Она нашла воплощение у всех индоевропейских народов, Например: у ведийцев – Трилока, Тримурти, три гуны; триады греческих, германских и кельтских богов и эллинского герметизма; триединство богинь судеб у разных народов и т. д. Нет ни малейших оснований полагать, что представления о триединстве не было исключительно у славян, или что они были настолько дикими, что обрели её лишь после принятия христианства...

«Щецин ... заключает в себе три горы, из которых средняя и самая высокая посвящена верховному богу язычников Триглаву» (*Monumenta Germaniae...*, т. XIV; *Scriptorum*, 1865, т. XII цит по: Матерь Лада, 2006).

Трѣзна –

составная часть переходного погребального обряда, завершающего жизненный цикл. Поскольку **язычество** не рассматривает смерть как безвозвратное расставание с близкими людьми, **Т.** включает в себя и непривычные современному мирскому человеку ритуальные действия – например, игрища, обрядовые поединки и т. п. Это происходило, как отмечает Г. П. Якутовский, в силу глубочайшего убеждения, что смерть – не более чем временное состояние (Якутовский, 2005). Похороны и поминки в языческом прошлом не имели трагического оттенка; более того, живым открыто предлагалось радоваться и наслаждаться: усопший встречался с родственниками, а оставшиеся на земле обретали нового покровителя.

Собственно смысл слова **Т.** – «борьба, состязание; подвиг; награда; поминальное пиршество», «торжественные поминки в честь умершего на языческой Руси»; возможно, «жертвенное заклание трёхгодовалого животного» – от «тризь» (Фасмер, Срезневский, Трубочёв).

Надо полагать, что в зависимости от того, какое общественное положение занимал усопший, должна была различаться по форме как собственно **Т.**, так и весь ход погребального действия,

а кроме того, по ряду последних данных археологии, и собственно похоронный обряд (трупосожжение или ингумация).

Т. в понимании язычника – это **обряд**, предшествующий путешествиям **души** по загробному миру, в ходе которого происходит особое единение живых и мёртвых родственников и друзей в торжественной обстановке. Живые члены семьи, живые члены братства и дружины как бы передают под охрану и опеку обретших божественную сущность умерших **предков** и братьев преставившегося **человека**.

Тьма –

в русской традиции воплощение невидимого, незримого мира (**Навь**), лишённого **Света**, тьмота, мрак.

В древнерусских текстах встречается выражение «**Т.** кромешная», то есть ад, преисподняя. Тёмный – мрачный, непросвещённый, неясный, непонятный и в то же время – грешный, адский, бесовский, дьявольский (Срезневский). Это средневековое христианское переосмысление языческого представления о **Т.**, содержащее намёк на древнюю связь **Т.** и **Нави**, и придание священного смысла представлениям о смерти.

Т. традиционно рассматривается как противоположность **Свету**.

Свет и **Т.** – две апокрифические первоосновы Творения, две стороны языческого пространства-времени (Гаврилов, 2006б).

Т. соответствует состоянию **человека** мёртвого или не принадлежащего **Этому Свету**. Мёртвый человек теряет способность зреть **Этот Свет**, но получает возможность видеть **Тот Свет**. Находящемуся при смерти видно то, что сокрыто от взора живого и здорового («тёмный» означает ещё и «слепой»).

У скандинавов бог Один, лишившись одного глаза (добровольно оставив его в залог), получил тайное знание о невидимой стороне Мироздания.

Смерть приходит незримой. По представлениям древних греков тот, на ком шлем-невидимка бога потустороннего мира Аида, становится невидимым (Гермес Хтоний), как только повернёт на голове шлем. В народной этимологии Аид означает «невидимый». По существу он – смерть. Чтобы приблизиться к Медузе, Персей надевает шлем Аида, тем самым как бы переходя на тёмную сторону **Мира** и уподобляясь самой смерти. Афина делает Одиссея незримым очам врагов, покрыв его тьмой (Голосовкер, 1987).

Т. ассоциируется с Богами **Навьего Мира**, то есть с прошлым, неизвестностью, тайной (Гаврилов, 2006б).

Удача –

в современном русском языке успех, нужный или желательный исход дела.

Этимология позволяет предположить, что слово **У.** может иметь два значения, общих по звучанию, но разных по происхождению. В первом случае оно родственно др.-инд. *dātis* «дар» и т. п. (ср. *подать*, ст.-слав. *благодать*). По другой версии, оно связано происхождением со словами со значением «давать», «даю». На глубинном уровне они сходятся, однако имеют несколько разные смысловые оттенки.

Как **У.** принято переводить скандинавское *hamingja* (Черкасов, 2002). Так называли особое, присущее некоторым людям с рождения качество, напоминающее везение. Не совсем верно отождествлять смысл слова **У.** с известным выражением «родиться в рубашке», поскольку **У.** гораздо шире по смысловому наполнению. Большая **У.** от человека распространяется и на его окружение – способность, необходимая вождям. В Западной Европе веныды использовали сходное понятие, передаваемое в латиноязычных источниках как *utilitas*, которая «подразумевает также удачливость, особую благодать, проявляющуюся в успешности действий носителя этой добродетели» (Свод, т. II, с. 383).

Справедливо мнение, что мерой **У.** человека наделяют при рождении Богини судьбы (рожаницы?) (Веселовский, Потебня). Есть указания на то, что **У.** остаётся с носителем до тех пор, пока он не преступит какой-либо запрет (возможно, о том же свидетельствует известная былина о Василии Буслаеве). Сходные представления встречаются в греческой, кельтской и скандинавской мифологии. Можно допустить существование сходных воззрений хотя бы у части славянских народов. Запас **У.** можно исчерпать, тогда человеку перестаёт улыбаться счастье даже в мелочах.

Следовательно, **У.** можно понимать как некий запас сил, позволяющих человеку с наименьшими потерями или затратами добиваться желаемого в различных жизненных обстоятельствах, выходить «сухим из воды», приносить успех или достигать его. То есть это – своего рода суммарная мера успеха. Допустимо искать некое сродство понятия **У.** с представлением о доле.

ХЛЕБ –

вид пищи, имеющий столь большое значение в традиционном мировосприятии славян, что его образ стал обозначать и пищу вообще, в том числе в переносном смысле, т. е. пищу духовную. Ныне слово **Х.** имеет следующие значения:

1. Печиво всякое, выпекаемое из муки (также перен.: о пропитании, пище вообще).
2. Крупное выпеченное изделие из муки («хлебы»).
3. Плоды, семена злаков, размалываемые в муку (во втором значении).
4. Сами такие злаки.
5. То же, что пропитание.
6. Средства к существованию, заработок.

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что *общеславянское* (!) слово **Х.** заимствовано предками славян в далёком прошлом либо у скандинавов (др.-исл. *hlēifr*), либо у готов (*hl-aifes*) (Лутовинова, 2005). Это представляется, мягко говоря, странным: если индоевропейцы, по сведениям тех же учёных, знали земледелие (и, соответственно, **Х.**) ещё до распада индоевропейской общности, то почему основные понятия, с ним связанные, славяне должны были у кого-то заимствовать? Касается это и слова **Х.**, знакомо-

го всем славянам – и западным, и восточным, и южным. Непонятно!

Есть, правда, те, кто допускает «родство слав. **xlěbъ* с гот. *hlaifs*, реконструируя и.-е. **khldibhos* или **skloibhos*, куда иногда относят и лат. *libum* “пирог, лепешка”... но в последнее время лат. слово связывают – как первонач. обозначение жертвенного хлеба – с лат. *libâre* “совершать жертвоприношение, посвящать”» (Фасмер). Почему бы тогда не допустить просто общее происхождение слова из одного древнего источника?

Кроме того, известно, что первым «**Х.**» была мучная болтанка – мука, заваренная кипятком, то есть «хлёбово». Не здесь ли следует искать истоки слова: «**Х.** – то, что хлебают»?

Латинские связи обращают наше внимание на понимание **Х.** как священного предмета. Само его изготовление на всех этапах (начиная от вспахивания поля и посева) мыслится по сей день в ряде мест России как священнодействие, исполненное глубинного содержания. **Х.** в различных видах искони используется в обрядовых целях – бытующих даже в условно-привычном «хлеб да соль».

Х. требует особенно трепетного отношения к себе как к священному предмету, в зависимости от обстоятельств и способа приготовления могущему воплощать в себе образы богатства, благополучия, счастья и – более возвышенно – целого Мира.

Отсюда – идущее из далёкого прошлого трепетное и почтительное отношение к **Х.**, который «всему голова», в условиях городской среды и резкого падения качества промышленной хлебопекарной продукции почти совсем утраченное. Если в 1960–1970-х гг. ещё можно было получить по рукам от родителей за брошенный кусок хлеба, а в общественных столовых висели плакаты «Берегите **Х.**!», то теперь, к стыду своему, приходится нередко видеть, как на помойку выносят заплесневелые нетронутые батоны, булки или буханки.

Для человека, считающего себя язычником, такое просто недопустимо «по определению»; он всегда будет изыскивать способ сохранить или вторично использовать **Х.** Ведь для него **Х.** в некоторой степени то же, что для исповедующих христианство просфора и вино в ходе евхаристии.

ЧЕЛОВЕК –

согласно принятому сегодня определению, общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Сущность **Ч.**, его происхождение и назначение, место в мире были и остаются центральными вопросами философии, религии, науки и искусства.

Вопреки любителям производить **Ч.** от «вечный чела», то есть «ученик» (что следует рассматривать как забавную, но сугубо народную этимологию), слово скорее несёт в себе смысл «член рода» (ср. др.-инд. *kūlam* – «стадо, множество, семья, род», греч. *τέλος* – «толпа», ирл. *cland, clan* – «потомство, род», лит. *kiltis, kiltiis* – «род»).

Вторая же часть слова, согласно мнению ряда авторов (в т. ч. О. Н. Трубачёва), может иметь смысл «исполненный силы», «совершеннолетний».

Если подобное толкование верно, то слово **Ч.** следует понимать, как обозначение «сильного своего» или «полноценного члена своего рода» (см. **свой–чужой**). В самом деле, древние язычники не отделяли личность от рода в целом, что позволяет нам принять предложенную точку зрения. **Ч.** прежде всего – составная часть **рода**, тот, кто обладает некими правами и обязанностями

по отношению к нему. В условиях родового общества роль личности или, как теперь нередко говорят, индивидуума, была отнюдь не столь важна, как привыкли думать мы, воспитанные в условиях опирающейся на христианство культурной традиции и живущие в цивилизации, прошедшей известный исторический путь.

Подобного рода перемена, надо полагать, неизбежна. Не случайно к переоценке роли личности относительно первичного её положения пришли, скажем, и те общества, где авраамические религии не стали господствующими – Индия, Китай, Япония и т. п. В них принадлежность к **роду** (со словию, корпорации) весьма ценится, но **Ч.** воспринимается всё же не только как винтик в совокупном устройстве.

Мы думаем, что это вполне естественно. Однако многие приверженцы Природной веры пока всё же не в силах превозмочь довление своего «Я» и осмыслить своё место относительно общества или небольшой его части.

Конечно, **Ч.** как таковой отнюдь не ограничивается тем, что занимает какое-то место в цепочке родовых связей. Однако для язычника они представляются одними из главнейших. Именно отсюда берёт своё начало почитание своих предков, которые почитаются **Богам**. Такова неразрывная связь, единящая **Ч.** со всем живым. Представление об устройстве **Ч.**, его душе и т. д. выходит за рамки нашего рассмотрения.

Чур –

щур, пращур, предок и, одновременно, – изображение божества (т. е. опять же первопредка).

О смысле слова идут споры, единого мнения пока нет. Вместе с тем даже сравнение известных значений, на наш взгляд, действительно позволяет сопоставлять его с образом духа **предка**. Так, одно из значений слова **Ч.** – «**граница, рубеж, межа; мера**» – подсказывает возможность обращения к тем, кто находится *за межой, за рубежом Этого Мира* и одновременно служит мериллом поступков и действий **человека**.

«**Ч.** меня!» (в миг опасности); «**Ч.** тебе на язык!» (дабы уберечься от злого слова, чтоб не сбылось); «**Ч.**, моё!» (при утверждении собственности)...

Возможно, с понятием **Ч.** как-то соотносится и представление о **щуре**. Считается, что, *сощурившись*, можно увидеть элементы Иного Мира, коего живые *чураются*, но, «*окощурившись*, все там будем», как говорится...

Несмотря на то, что в слове «окощуриться» явственно слышится «**Ч.**», т. е. оказаться около **Ч.**, среди **Ч.**, В. И. Даль производит это слово от «окарачуниться» (умереть, издохнуть, околеть, побывшиться, протянуться. «Обмереть, упасть в

обморок. Окочутиться вологодск. о(у)кутаться, укрыться, одеться». Возможно, разные по происхождению и по значению, но близкие по глубинному содержанию слова соединились, как случается, в одно.

Известно также именование *щуром* стрижа, ласточки или кузнечика (сверчка). И те, и другие часто обозначали именно души усопших **предков**, *пращуров*. Есть мнение, что **Ч.** (*щур*) обозначало хтонические, то есть потусторонние, существа вообще.

К образу **рода** как порождающего начала отсылает нас, возможно, имя былинного богатыря Чурилы Пленковича, пользовавшегося успехом у женщин. Случайно ли здесь его имя?

Надо полагать, что некогда мог произойти перенос слова **Ч.** как представления на священные изображения, которые ныне называют **Ч.** вне зависимости от того, изображают ли они божество или только некоего вполне определённого предка.

ЯВЪ (ЯКО) –

слово, широко распространённое в философии современного славянского **язычества**, однако ни в одном из достоверных исторических источников «в чистом виде» не встречающееся. В широком смысле куст слов с корнем **av/ev* имеет значение «видеть», «воспринимать» (в этом смысле **Я.** родственно и лат. *audiō* – «слышать») (Фасмер). Иначе говоря, **Я.** есть воспринимаемая человеком действительность.

У Срезневского близкое по смыслу слово начато с тридцать третьей буквы древнерусской азбуки, обозначающей «йотированный звук а». Для изображения того же звука в рукописях русского письма употреблялись также «юс малый» (А) и «йотированный юс малый» (Ѧ), потерявший в русском языке значение носового звука. С самого начала широкого распространения письменности эти графемы стали смешивать и употреблять безразлично, хотя где-то к концу XII в. выработалось правило: «малый юс» ставить после согласных, а «йотированный а» ставить после гласных и открывать им слово, как и в случае с «явию».

Значение слова «**Я./яве**» определяется как «ясно-ясный, очевидный, явный-явственный, открытый, определённый». В одном из своих зна-

чений оно использовано, например, в договоре Олега с греками по Ипатьевскому списку (912 г.): «Да елико яве будет показании явленными...»

У В. И. Даля существительного «**Я.**» нет. Есть близкое по смыслу «наява», которое Даль использует для пояснения выражения «наяву»: «Наяву – нареч. бодрствуя, не во сне, не во снах, не в сонном состоянии и не в бреду, а на самом деле, сознательно, при полной памяти. Видел мужик во сне хомут, не видать ему наяву до веку лошадки. Во сне ли, аль наяву я это вижу. Во снах мы все цари, да наяву – холопы. Он наяву грезит, в бреду или в помешательстве. И наяву, да не в своем уме. Хмельной и наяву ничего не видит. Наявлять, наявить что, по(про)явить, явить на свет; -ся, появиться, показаться, явиться вновь, обнаружиться. Наява ж. об. проява; что, кто наявился. Наяве нареч. явно, видимо, ясно, на виду. Цвет наяве. Дело наяве».

«Явь» назывался сборник стихов прославленных авторов Серебряного века, в числе которых А. Белый, С. Есенин, Р. Ивнев, В. Каменский, А. Мариенгоф, Б. Пастернак и др., напечатанный одноимённым издательством в 1919 г.

Д. Н. Ушаков (1873–1942) в предвоенные годы считает, что **Я.** – «реальная действительность в противоп. сну, бреду, мечте. Сон и явь». Ему слово в слово вторит С. И. Ожегов.

«Есть только *явь* и свет, ни тьмы, ни смерти нет на этом свете» (Ар. Тарковский, 1965). «Опреде-

ленья поэзии нет. Можно сказать, что поэзия – явь. Что же ты в драку суешься, поэт, трезвому голосу *яви* не вняв?» (Н. Матвеева, 1960-е гг.).

Смысл, который вкладывают в слово **Я.** некоторые современные язычники (Срединный мир), известен только в сочинениях Ю. Миролюбова и в т. наз. «Велесовой книге», подлинность которой вызывает немалые сомнения.

Я. – в первую очередь мир явленный, наша повседневность и обыденность в противоположность фантастической **Нави**. Сказка, фантазия, вымысел становятся **Я.**, то есть былью, сущим. **Навь** обращается в **Я.** Тайное становится явным.

В современном языческом понимании, **Я.** – не только видимый мир. Это тяга к Жизни, изначально (наряду с **Навью**) присущее **человеку** стремление различить Тайное и сделать его доступным... **Я.** – это стремление Вселенной изменить себя, и стремление изменить Вселенную, это тяга к новому, к будущему. Это все молодые ярые силы пробуждения Природы. Это безоглядное стремление Жить – жить во что бы то ни стало, а значит, почти животная тяга к продолжению рода. **Я.** – это страсть, активность, действие.

Язычество –

древнейшее природное мировоззрение, приверженность множеству извечных естественных воззрений и верований. Они различаются между собою у разных народов, но едины в том, что Природа, **Земля, Боги** и почитающие их народы (др.-русск. язык – «род, племя») пребывают в неразрывном взаимном Родстве. Это сходство мировоззрения отражается в языке, речи, мышлении, обычаях и укладе жизни человека, его семьи, **рода**, племени, народа, общества.

В основе языческого мировоззрения лежит языческое мировосприятие. Языческое мировосприятие есть следствие действия во внешнем мире единых «естественных» законов мироустройства. Нынешнее **Я.** является наследником **Я.** прошлого и отличается от него лишь способом отражения тех же самых законов. Оно является «новоделом» настолько, насколько новы способы выражения этих законов.

Человек, придерживающийся языческого мировоззрения, языческого миропонимания и действующий соответственно, и есть *язычник*.

Сколь бы кто ни говорил: «**Я.** кончилось, нет его!», – Природное мироощущение не может исчезнуть, умереть, пока человек существует из по-

коления в поколение на этой **Земле** и под этим Солнцем. Потому к нему возвращались до нас, возвращаемся мы, и с ним, этим мироощущением, будут жить наши потомки. Мы, язычники, верим чувству родства и познаём его и живую суть всей Природы всю свою жизнь.

Прямая передача исконной языческой традиции происходит неразрывно – как через «умное знание» (научные разыскания), так и через живую речь, обычай, уклад жизни народной. Внимательный и непристрастный наблюдатель всегда отыщет в современности не только следы **Я.**, но само **Я.**, если будет с должным почтением воспринимать то, что его окружает.

Язычники прошлого жили, сознавая, что **Боги** и **предки** присутствуют рядом с ними постоянно. Они общались с **Богам**и и героями и поступали так, «как поступали предки». Мы, потомки, считаем это правильным и стремимся действовать подобным же образом.

Я. неотделимо от мифологического мышления, основанного на обожествлении Природы и признании всех вещей во Вселенной и самой Вселенной живыми (т. е. личностями).

Я. – это следование правилу разумного, сознательного самоограничения, рамки которого определяются сложившимися условиями существования того или иного человека, рода, народа, исповедующего **Я.** Эти рамки были, есть и будут различными для жителя гор, равнин, приморья,

Севера, Юга, Востока, Запада, – но они были, есть и будут.

Чувство родства, традиционные отношения людей в **роде** немислимы без истинного и глубокого ощущения неразрывной связи **Предков** и потомков, людей и **Богов**. Это связь не только с прошлыми, но и с будущими поколениями. Почитание **Предков** и традиций есть забота не только о себе самих, но и, в первую очередь, о потомках. Выбор человеком **Я**. как своего мировоззрения ни в коем случае не означает отказа признавать своими предками людей, придерживавшихся иной веры. Вера и **Предки** – не одно и то же.

Язычник не только почитает обычай и следует воле **предков**, сохранивших и защитивших Родину, но и мыслит о своих потомках, о том, что мы завещаем им и что оставим им в наследство (Гаврилов и др., 2007).

Приложение

Традиционное миропонимание и современность

Приглашение к полемике

Язычество в исполнении горожан с несколькими высшими образованиями мне более всего напоминает «дворовый футбол», где «матки-чьи-заплатки» определяют и символ веры, и культовую практику на один матч.
Всеслав (Г. Якутовский)

Определим кратко основные черты древнего языческого мировоззрения (не только славянского).

Что мы будем называть язычеством

«Язычество как группа «естественных» («природных», «стихийных») верований – многоплановое явление, не имеющее сколько-нибудь четких понятийных границ. “Нет более туманного и неопределенного термина, чем “язычество”, – писал в свое время академик Б. А. Рыбаков (1981, С. 3). – Возникнув в христианской среде, он

первоначально обозначал все дохристианское и нехристианское; им покрывалась и ведическая гимнография Индии, и литературно обработанная мифология классической Греции, и годовой цикл славянских или кельтских аграрных обрядов, и шаманство сибирских охотников...”

В истории язычества Старого Света усматриваются два главных этапа: ранний, в общем соответствующий первобытной стадии язычества, и поздний, представленный ритуально-мировоззренческими комплексами типа древнеегипетского, древнемесопотамского, древнегреческого и др., где мы (если, например, говорить о средиземноморской зоне) видим зародышевые проявления библейской мировоззренческой традиции, выраженные, в частности, в идее непримиримости добра и зла, в специфических идеях мессианства и пр.» (Косарев, 2008).

Здесь же уместно процитировать и БСЭ:

«...Обозначение нехристианских, в широком смысле—политеистических религий в литературе христианских народов. Боги Я. олицетворяли стихии природы: древнегреческий Зевс, индийский Индра, кельтский Таранас, скандинавский Тор, балтийский Перкунас, славянский Перун – громовержцы, боги неба; древнегреческий Гелиос, египетский Ра, славянский Дажбог – боги солнца; древнегреческий Нептун, индийский Варуна – боги вод и т. п. Наряду с ними почитались низшие демоны, духи лесов, источников — ним-

фы, дриады, леший, водяной и т. п. Суть языческих культов – магическое воздействие на природу. Циклы постоянного возрождения природы, биологической и хозяйственной жизни коллектива (рода, общины) в представлении язычников были взаимосвязаны. Поэтому “календарные” с.-х. праздники включали также “семейные” торжества — свадебные обряды, пиршества и т. п. Языческие (античные и др.) культы сменялись т. н. мировыми религиями».

Что мы будем называть мировоззрением

Вот как делает это Большая советская энциклопедия:

«Мировоззрение – система взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. М. – это далеко не все взгляды и представления об окружающем мире, а только их предельное обобщение. Содержание М. группируется вокруг того или иного решения основного вопроса философии [что первично – материя или сознание]. В качестве субъекта М. реально выступают социальная группа и личность. М. является ядром обществен-

ного и индивидуального сознания. Выработка М. – существенный показатель зрелости не только личности, но и определенной социальной группы, общественного класса и его партии. По своей сущности М. – общественно-исторический феномен, возникший вместе с появлением человеческого общества. Источник происхождения того или иного М. – условия материальной жизни общества, общественное бытие <...> М. – это не только содержание, но и способ осознания действительности, а также принципы жизни, определяющие характер деятельности. Важнейший компонент М. составляют идеалы как заветные и решающие жизненные цели. Характер представлений о мире способствует постановке определенных целей, из обобщения которых образуется общий жизненный план, формируются идеалы, придающие М. действенную силу. Содержание сознания превращается в М. тогда, когда оно приобретает характер убеждений, полной и непоколебимой уверенности человека в правоте своих идей».

Краткая характеристика *status quo*

Если мы хотим более или менее цельно обсуждать языческое мировоззрение, необходимо принять ряд утверждений.

– в целостном виде языческое мировоззрение славян не сохранилось (сколько бы ни всплывали

новоявленные хранители древних знаний) и едва ли могло сохраниться;

– восстановление его в изначальном виде невозможно, как в силу утраты значительной части, так и по причине изменения условий жизни людей;

– существенные (возможно, основополагающие) составные части этого мировоззрения сохранились до наших дней в той части, которая осталась неизменной в силу неизменности условий среды и/или уклада [утверждение спорное и даже сырое!]

– современное мировоззрение людей, называющих себя язычниками, весьма далеко от бытовавшего в прошлом, уже потому хотя бы, что они вырастают в условиях городской культуры, не имеют неразрывной связи с духовным наследием прошлого и даже не знакомы на личном опыте с условиями жизни, которые бытовали в пору расцвета язычества у славян. Такое мировоззрение можно называть «новоязыческим», но не вкладывать в это слово уничижительного оттенка. Оно маргинально, хаотично и по сути являет собою смесь романтических представлений с плохо понятыми толкованиями, взятыми преимущественно из не очень качественных популярных книг [исключения, конечно, имеются, но они скорее именно исключения].

– научные исследования, даже выполненные людьми, с симпатией относящихся к язычеству,

не могут не быть ограничены по множеству причин. Далеко не всегда есть возможность судить, насколько мы правомочны распространять дошедшую до нас часть языческого мировоззрения наших предков на предполагаемое целое. Последнее могло и не существовать вовсе как нечто единое и общее.

Вот здесь была, но затихла толковая дискуссия по сходной теме: <http://pagan.ru/forum/index.php?showtopic=453&st=0>. Повторять её полностью бессмысленно, но полезно обобщить некоторые итоги. Были в том числе перечислены и признаки языческого мировосприятия. Часть из них стоит привести:

«Признание существования богов и духов как существ, близких человеку. Политеизм с допущением существования Высшего Бога и некой “надбожественной инстанции” (дао, дхарма, рок).

Возможность использовать как самих богов, так и некую субстанцию (фарну, прану, сваргу) в целях достижения успеха, удачи, изобилия (урожая, плодovitости, победы).

Образ жизни (цели бытия, а не просто удобства) подчинённый “божественному велению” с очень высокой степенью личной свободы (не раб, а сотрудник, сотворец божий).

Почтительно-умилительное отношение к природе вообще и человеческой природе в частности: культ воды, огня, леса и моря, деревьев и живот-

ных, мужского конца и женского начала» (Всеслав).

«1. Время замкнуто в Круг. В мире всё повторяется год от года, век от века.

2. Чтобы круг Времени проворачивался, а предки испытывали цепь перерождений, смертные обрядово должны помогать этому Кругу проворачиваться.

3. Мир населён духами, у каждого духа есть область обитания, есть свой дом, как и у человека. С духами можно договориться, если с ними не договориться, за это можно поплатиться, за это может поплатиться целый род.

4. Человек – родянин, он один из рода, который составляют боги, пращурь, деды, отцы и дети. Души пращуров возвращаются из Иного мира и вдуваются богами в новые тела детей.

5. У человека несколько душ, одна – от зверя. После смерти, одна душа уходит бродить зверем по Дикому миру, вторая – в навь, к пращурам на новое перерождение, третья – в высокие миры, вырий, небо, и т. д., где всего вдоволь. И там душа воссоединяется навсегда в роду с пращурами, которые уже больше не испытывают перерождений, и ведёт привольную жизнь, там вдоволь дичи, молочные реки и кисельные берега. Там лёгкий труд» (Д.Гаврилов).

«– отсутствие страха смерти;

– сильно развитое чувство собственности и собственного достоинства;

- четкое деление на “своих” (родственников) и “чужих”;
- правдивость (дети очень быстро чувствуют ложь)» (Ладомир)*.

Уместно особо привести и уточнение Огнеяра, которое, по зрелом размышлении, представляется мне интересным: заменить классическую пару «свой – чужой» на «наш – не наш» (с поправкой на современное толкование смысла слов). Стоит согласиться, однако применительно к прошлому устоявшееся выражение кажется мне более правильным и точным [не повод для дискуссии, мнение и всё!].

Итак, вот эти черты...

Обобщая, можно сказать, что чертами традиционного языческого мировоззрения (не только славянского), стоит считать:

- осознание своей неотделённости от мироздания в целом;
- признание существования иных разумов, чьи возможности превышают возможности отдельного человека (боги и духи). Однако и человек может подняться до их уровня, встать с ними наравне, а то и превзойти (легендарные отшельники индуизма);
- существование неких законов (принципов, установлений), которым подчиняется мироздание на разных уровнях;

* Цитаты подвергнуты минимальной редакторско-корректорской правке.

- представление о подобии земного мира и иных миров;
- чёткое, хотя и неодинаковое в разных условиях разделение мира и всего в нём на противоположности, которые являются частями единого целого и не могут существовать друг без друга;
- отсутствие претензий на абсолютную истину (по крайней мере, в большинстве течений), допущение разных взглядов на неё;
- принятие возможности волшебным путём влиять на мир и процессы в нём, от личной удачи до макропроцессов;
- представление о неотдельности Мироздания от его первопричины, одушевлённость Мироздания;
- особая роль ритуалов и праздников, которые понимаются как содействие богам в деле поддержания закона и миропорядка, передаются из поколения в поколение и не могут быть изменены. Отсутствие «бессмысленных» действий в их рамках и не только.

Следствия из сказанного

Основная черта современного язычества – его возникновение «от ума», через книги, а не живая передача. Оно является «моделью», «искусственной конструкцией». Нельзя говорить, «это плохо» или «это хорошо». Язычество обязано возродиться, но жизнеспособно оно будет лишь при

сохранении перечисленных сущностных черт. И язычество возрождается, ибо человеку требуется то отношение к священному, которое соответствует его внутреннему состоянию, при этом согласуется с потребностями внешнего мира.

Непрямым следствием полагаю признание необходимости очень серьёзной работы без избыточного мифотворчества (в виде разных РА-теорий и прочих измышлений о Великих Славянских Империях, жалкими потомками которых являются кроманьонцы и австралопитеки) над собой, что касается каждого, считающего себя язычником. Это раз. Во-вторых, стоит поразмышлять над тем, насколько мерки людей, что считаются авторитетами, могут претендовать на авторитетность с точки зрения изложенных соображений. По сути, перед нами встаёт задача переоценки. Порою – доброжелательной, порою – нет, но всегда очень критичной.

Литература

А. д`Апремон, 1995 – д`Апремон А. Иггдрасиль – ось жизни древних нордов // *Igmin*, 1995. – № 2–4 (пер. с франц. Т. Фаминской).

Афанасьев, 1861 – Афанасьев А. Н. Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. – М., 1861. – Кн. 3.

Афанасьев, 1994 – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Индрик, 1994.

Балушок, 1993 – Балушок В. Г. Инициации древних славян. Попытка реконструкции // *Этнографическое обозрение*, 1993. – № 4.

Балушок, 1995 – Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников // *Этнографическое обозрение*, 1995. – № 1.

Балушок, 1996 – Балушок В. Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // *Этнографическое обозрение*, 1996. – № 3.

Беларуская міфалогія: Энцклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мн.: Беларусь, 2006.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс–Универс, 1995.

Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987.

Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: София, 2003.

Веселовский, 2006 – Веселовский А. Н. Народные представления славян. – М.: АСТ, 2006.

Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. – Р.-н-Д., 1996.

Всемирная энциклопедия: Мифология / гл. ред. М. В. Адамчик: гл. науч. ред. В. В. Адамчик: – Мн.: Современный литератор, 2004.

Гаврилов Д. А. От Порядка – к Гармонии, от Закона – к Воле // Гаврилов Д. А., Ёлкин С. В. Протоязык и традиционализм. Пути реконструкции. – М.: МГИФИ, 1997.

Гаврилов, 2006а – Гаврилов Д. А. НордХейм. Курс сравнительной мифологии древних германцев и славян. – М.: Социально-политическая мысль, 2006.

Гаврилов, 2006б – Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006.

Гаврилов Д. А. Наговицын А. Е. Боги славян. Язычество. Традиция. – М.: Рефл-Бук, 2002.

Гаврилов Д. А. и др., 2007 – Гаврилов Д. А. и др. Манифест языческой Традиции. – М.: Ладога-100, 2007.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1–2. – М.: Индрик, 2000.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского Университета, 1984. – Т. 2.

Гаркави – Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.

Гельмольд, 1963 – Гельмольд. О Световите, идоле руян // Гельмольд. Славянская хроника: пер. Л. В. Разумовского. – М.: Наука, 1963.

Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002.

Гимбутас, 2003 – Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

Гимбутас, 2004 – Гимбутас М. Балты. Люди янтарного берега. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Голосовкер, 1987 – Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Эксмо, 2002.

Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. – М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Домников, 2002 – Домников С. Д. Мать-Земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М.: Алетея, 2002.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ермаков, 2005 – Ермаков С. Э. Тропую забытого волшебства: очерки о геомантике. – М.: Издательство К. Кравчука, 2005.

Забьлыи – Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. собр. М. Забылиным (Репринтное воспроизведение издания 1880 года). – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1992.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. – М., 1995.

Иванов, Топоров, 1974 – Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. – М., 1974.

Ибн-Фадлан – Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд. Харьковского Государственного Университета, 1956. – П. 99.

Колесов, 2000 – Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: Человек и слово. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

Колесов, 2004 – Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: Дом и быт. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М.: Московский рабочий, 1991.

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – М.: Ладога-100, 2003.

Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.

Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994.

Лутовинова, 2005 – Лутовинова И. С. Слово о пище русской. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005.

Майков – Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / отв. ред. А. К. Байбурин. – СПб.: Изд. Европейского Дома, 1994.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2006.

Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1–2. – М.: Советская энциклопедия, 1980.

Младшая Эдда – Младшая Эдда: пер. О. А. Смирницкой // под ред. М. И. Стеблин-Каменского. – М.: Ладомир, 1994.

Полетье: Традиционный месяцеслов, выпуск 1 // сост. С. Э. Ермаков. – М.: Ладога-100, 2006.

Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / Сост. А. Л. Топорков. – М.: Лабиринт, 2007.

Прозоров, 2006 – Прозоров Л. (Озар Ворон). Язычники крещёной Руси. Повести чёрных лет. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000.

Речи Гримнира – Корни Иггдрасиля (Эдда. Скальды. Саги) // под ред. О. Смирницкой. – М.: Терра, 1997.

РВ – Ригведа, мандалы I–X / пер. Т. Я. Елизаренковой. Рукопись Ин-та русской литературы. Собр. В. Н. Петрова, № 117. Л. 103.

Русанова, 2002 – Русанова И. П. Истоки славянского язычества. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – Черновцы: Прут, 2002.

Русская Традиция. – М.: Ладога-100, 2001. – Вып. 1.

Русская Традиция. – М.: Ладога-100, 2003. – Вып. 2.

Русская Традиция. – М.: Ладога-100, 2005. – Вып. 3.

Русская Традиция, 2006 – Русская Традиция. – М.: Ладога-100, 2006. – Вып. 4.

Русская Традиция, 2007 – Русская Традиция: почитание предков. – М.: Ладога-100, 2007.

Русские. Этнографический атлас / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М.: Наука, 2005.

Рыбаков, 1981 – Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981.

Рыбаков, 1987 – Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987.

Сахаров – Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. – СПб.: А. С. Суворинъ, 1885. (<http://bibliotekar.ru/rusSaharov/index.htm>).

Свод... – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–X вв.). – М.: Восточная литература РАН, 1995.

Серяков М. Сварог. – М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Серяков, 2005 – Серяков М. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Серяков М. Рождение Вселенной. Голубиная книга. – М.: Эксмо, 2006.

Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении // сост. А. Г. Кузьмин. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта, Наука, 2001.

Славянская мифология... – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002.

Славянские древности... – Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: т. 1–3. – М.: Международные отношения, 2001–2004.

Срезневский – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 6 т. – М.: Книга, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. – М.: Ладога-100, 2007.

Толстой, 2003 – Толстой Н. И. Язычество древних славян // Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003.

Уроки народной культуры: традиционная одежда: уч.-метод. пос. // авт.-сост. О. В. Розова, И. А. Щербакова. – М.: Ладога-100, 2007.

Фаминцын А. С. Божества древних славян. – СПб.: Алетейя, 1995.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель, АСТ, 2003.

Церковно-славянский словарь. – М.-Пг., 1916.

Черкасов, 2002 – Черкасов И. (Велеслав). Клады викингов и Удача нордов // Мифы и магия индоевропейцев: альманах / под ред. А. Платова. – М.: София, Гелиос, 2002. – Вып. 10. – С. 36–41.

Черновская М. Остатки славянского баснословия в Белоруссии // Вестник Европы, 1818. – № 24.

Шамак А. А. Мифалогія беларусаў: вчэб. дапам. – Мн.: БДПУ, 2005. – 187 с.

Щапов, 1906 – Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия // Сочинения А. П. Щапова. – СПб., 1906. – Т. 1.

Элиаде, 2000 – Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000.

Юдин А. В. Русская народная духовная культура: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 1999.

Якутовский, 2005 – Якутовский Г. Краткий обзор годовых праздников и обрядов в Традиционной русской культуре // Вестник Традиционной Культуры. – М.: Издатель А. В. Воробьев, 2005. – Вып. № 2.

Pennick, 1989 – Pennick N. Practical magic in Northern tradition. – Loughborough: Thoht publications, 1989.

Принятые сокращения

авест. – авестийский
алб. – албанский
англ. – английский
англос. – англосаксонский
арм. – армянский
атт. – аттический
болг. – болгарский
блр. – белорусский
бел. – белорусский
в.-луж. – верхнелужицкий
возм. – возможно
греч. – греческий
греч. гомер. – греческий эпохи Гомера
гот. – готский
диал. – диалектное
др.-верх.-нем. – древневерхнегерманский
др.-инд. – древнеиндийский
др.-исл. – древнеисландский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-прусск. – древнепруссский
др.-русск. – древнерусский
др.-серб. – древнесербский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-чеш. – древнечешский
зап.-слав. – западнославянский
жем. – жемайтский
и.-е. – индоевропейский
ирл. – ирландский
лат. – латинский

Принятые сокращения

лет. – летопись
лит. – литовский
лтш. – латышский
мн. – множественное число
нем. – немецкий
н.-луж. – нижнелужицкий
повел. – повелительное наклонение
польск. – польский
праслав. – праславянский
род. п. – родительный падеж
рус. – русский
сканд. – скандинавский
слав. – славянский
слвц. – словацкий
словен. – словенский
ср.-перс. – среднеперсидский
ср. р. – средний род
ст.-слав. – старославянский
укр. – украинский
устар. – устаревшее значение
фриг. – фригийский
церк.-слав. – церковнославянский
чеш. – чешский

Дмитрий Анатольевич Гаврилов

Родился в Москве. Окончил МХТИ им. Д. И. Менделеева (1993). Служил в армии. Один из разработчиков универсального языка междисциплинарного общения и изобретательства диал (1986–1997, совм. с В. В. Куликовым и С. В. Ёлкиным). Преподавал в группах школьников и студентов теорию творчества. Публикации по теме «тренинг интеллекта» (с 1990). Изобретения в области игровой культуры (столбовые «русские» шахматы, 1996). С 2000 года работает в области креативных информационных технологий.

Постоянный автор альманаха «Мифы и магия индоевропейцев» (1997–2002), «Вестника Традиционной Культуры» (2004–2006), журнала «Порог» (с 2000) и т. д. Статьи и книги в области традиционной языческой культуры. Имеет волховское посвящение под именем Иггельд (с 2000). Один из основателей международного общественного движения «Круг Языческой Традиции» и Совета Круга (с 2001; см.: Манифест языческой Традиции / Гаврилов Д. А. и др. – М.: Издательство «Ладога-100», 2007. – 40 с.).

Автор текстов баллад популярной фолк-рок группы «Дорога Водана» (см.: Пройти Дорогой Водана: сборник баллад и авторских песен. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 128 с.). Пишет романы и рассказы в жанре историко-героической фантастики (с 1996).

Участник Аналитической группы «Северный Ветер» (с 1998), один из учредителей и координаторов Научно-исследовательского общества «Северный ветер» (с 2007).

Основные публикации

Гаврилов Д. А., Ёлкин С. В. Протоязык и традиционализм. – М: МИФИ, 1997. – 98 с.

Гаврилов Д. А., Ёлкин С. В. и др. Старые и новые столбовые шахматные игры. – М.: СИНТЕГ, 1998. – 100 с.

Гаврилов Д. А., Наговицын А. Е. Боги славян. Язычество. Традиция. – М.: Рефл-Бук, 2002. – 464 с.

Гаврилов Д. А. Великий и Ужасный. Фантастические рассказы. – М.: Социально-политическая мысль, 2002. – 248 с.

Гаврилов Д. А. Егоров В. А. Наследие Арконы: фантастический роман. – М.: АСТ, 2005. – 381 с.

Гаврилов Д. А. НордХейм. Курс сравнительной мифологии (древних германцев и славян). – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 284 с.

Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 240 с.

Станислав Эдуардович Ермаков

Потомственный москвич. Окончил художественную школу, учился в МГУ. Служил в армии. Специалист в области музейного дела и охраны памятников. Интересуется различными загадочными явлениями с начала 1980-х гг. С середины 1980-х гг. вплотную занялся изучением геоактивных зон. Организатор множества экспедиций по «странным местам», местам Силы (с 1987). В том же году серьёзно занялся лозоходством. Лекции и семинары в разных городах СССР и России (с 1989).

Первая публикация «по теме» – статья «Про древние камни, драконовы вены, святые и гиблые места», написанная совместно с Т. Фаминской, – увидела свет в 1991 г. на страницах газеты «Голос» и вызвала большой резонанс. Именно в этой статье впервые в широкой российской печати было упомянуто ныне хорошо всем известное слово «Фэн-Шуй».

С 1991 г. активно сотрудничает с Ассоциацией «Экология Непознанного», вице-президент Ассоциации (с 1996). В 1994–1997 гг. – член редколлегии научно-информационного вестника АЭН – ИТАР ТАСС «Аномалия». В 1992–1993 гг. – участник разработки проекта нормативных документов по учёту геопатогенных зон для Минстроя РФ.

Имеет научные работы, более ста публикаций. Неоднократно участвовал в телепередачах, снимался в кино.

В результате своих разысканий пришёл к убеждению, что феномен НЛО и «аномальных» зон следует рассматривать в контексте более широкого пласта проблем. Осознав, что так называемые «загадочные явления» невозможно понять без осмысления и восстановления традиционного миропонимания, в 1996–2000 гг. сотрудничал с А. Платовым и альманахом «Мифы и магия индоевропейцев».

В 1998 г. стал (совместно с А. Платовым) учредителем и координатором Аналитической группы «Северный ветер» (до 2001 г.).

С 2001 г. – главный редактор проекта «Русская Традиция» и Издательства «Ладога-100». Главный редактор возрождённого вестника «Аномалия» (с 2006).

Являясь одним из руководителей молодёжного этнографо-экологического клуба «Великий Кристалл», в 1995–2007 гг. проводил летние подростковые полевые экологические лагеря и экспедиции, участвовал в археологических раскопках на территории Московской области (с 2000). Член экспертных советов на молодёжных экологических конференциях разного уровня.

В настоящее время основная сфера исследовательских интересов – традиционное миропонимание славян и индоевропейцев, нематериальное культурное наследие, проблемы его восстановления и сохранения, а также изучение вопросов практического использования его в современных условиях. Осенью 2007 года объявлено о воссоздании Аналитической группы «Северный ветер» в новом качестве – как Научно-исследовательского общества, занимающегося вопросами нематериального культурного наследия индоевропейцев и славян. Координатор и учредитель НИО «Северный ветер».

Основные публикации

Ермаков С., Фаминская Т. Практические аспекты энерго-информационного обмена. – М.: Экология, 1996.

Ермаков С., Фаминская Т. Тайны Живой Земли. – М.: Ассоциация «Экология Непознанного», 1997.

Ермаков С., Фаминская Т. Тайны Живой Земли: изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Северный ковч, 2001.

Миков Е., Ермаков С. Исцеляющие руки Зари: Зоревая медицина: книга 2. – М.: Издательство «Ладога-100», 2004.

Ермаков С. Тропую забытого волшебства: очерки о геомантике. – М., Издательство К. Кравчука, 2005.

Ермаков С. Книга начинающего лозоходца. – М.: Издательство «Ладога-100», 2007.

Миков Е., Ермаков С. Золотые ладони Зари: Зоревая медицина: книга 3. – М.: Издательство «Ладога-100», 2007.

Татьяна Валерьевна Фаминская

Родилась в Москве. Закончила Институт иностранных языков им. М. Тореца по специальности «преподаватель французского языка».

Одна из зачинателей системного исследования НЛО в России (СССР), член Комиссий по аномальным явлениям СНИО (ВСНТО) СССР и проблемам биолокации при НТО РЭС им. А. С. Попова.

Главный методист Ассоциации «Экология Непознанного» (с 1996), член редколлегии вестника «Аномалия» (1994–1998, с 2006 по настоящее время), альманаха «Мифы и магия индоевропейцев (1998–1999), общественного совета серии «Русская Традиция» (с 2001).

Автор публикаций, посвящённых НЛО, АЯ и геоактивным зонам, различным аспектам Традиции, ряда переводов в т. ч. Р. Блюма, А. д`Апремона, Ф. Асвинн). Редактор трудов «Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам» М. Ф. Косарева, «Языческие святилища древних славян» И. П. Русановой и Б. А. Тимощука («Ладога-100»), ряда книг С. Ермакова.

Имеет научные работы в области геоактивных зон, тонкой экологии и др.

Совместно с Д. Громовым, С. Ермаковым и А. Платовым вошла в число фактических учредителей Аналитической группы «Северный Ветер» (1998–2001).

Одна из учредителей воссозданного в новом качестве Научно-исследовательского общества «Северный ветер», занимающегося вопросами нематериального культурного наследия индоевропейцев и славян.

Основные публикации

Ермаков С., Фаминская Т. Практические аспекты энергоинформационного обмена. – М.: Экология, 1996.

Ермаков С., Фаминская Т. Тайны Живой Земли. – М.: Ассоциация «Экология Непознанного», 1997.

Ермаков С., Фаминская Т. Тайны Живой Земли. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Северный ковч, 2001.

Переводы

Блюм Р. Книга рун: Руководство по пользованию древним Оракулом: Руны викингов. – М.: София, 2000.

Сора Д. Религия гигантов и цивилизация насекомых // Атлантида и царство гигантов. – М.: Вече, 2005.